

Н. Ф. ФЕДОРОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Б. Г. Режабек

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ – РОДОНАЧАЛЬНИК НООСФЕРНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Вступая в третье тысячелетие мир полон ожиданием фундаментальных перемен, перехода в эру качественно нового существования, в новый эон бытия. Об этом свидетельствуют практически все глобальные модели общепланетных процессов, особенно ярко – модели демографического роста, согласно которым рост населения приближается к своему критическому уровню, составляющему 10-14 миллиардов человек¹. Некоторые авторы, опирающиеся на представления об ограниченности материальных ресурсов планеты, выдвинутые в работах «Римского клуба», а за век до них выраженных в концепции Мальтуса, настаивают на необходимости формирования «нового экологического сознания», согласно которому человек должен занять скромную нишу среди других видов, резко ограничить свою производственную деятельность, наносящую ущерб биосфере, ограничив размеры человеческой популяции до величины, не превышающей 1 миллиарда человек². Такого рода «экологический алармизм», как и всякая истерика, не является конструктивным.

Научные оценки показывают, что при разумном использовании имеющихся ресурсов и развитии новых технологий кризиса в сфере ресурсов и энергии можно избежать. Более того, выход на арену энергетики возобновимых источников энергии, в первую очередь солнечной, позволит избавиться от варварского сжигания нефти, а освоение водородной энергетики и появление новых, экологически чистых видов транспорта может полностью преобразить вид городов, производственных предприятий и транспортных магистралей. Главная опасность – не исчерпание материальных ресурсов, не мифические «озонные дыры» и «глобальное потепление», а возможность нарушения саморегулирования биосферы из-за неразумной деятельности человека (уменьшение биологического разнообразия, опустынивание, деградация плодородных пахотных земель, исчезновение тропических лесов со скоростью до 40 гектар в минуту), то есть дефицит Разума.

В области геополитических процессов главным предметом обсуждения сегодня является проблема «глобализации»³, которая связана с качественно новым состоянием общепланетных процессов – экологических, экономических и политических. Говоря о «глобализации», многие в первую очередь имеют в виду формирование «novus ordo seculorum», чаемое наступление которого обозначено на каждой долларовой купюре. Этот тип глобализации предполагает формирование мира, резко расслоившегося на избранных – «золотой миллиард» (США и развитые страны Европы), и прочие страны, роль которых, а возможно, и само существование будет определяться решениями правящей общепланетной элиты. Страх перед такого рода глобализацией породил так называемое «движение антиглобалистов», во многом декоративное и даже полезное архитекторам долларовой глобализации. В то же время объективный процесс объединения экономики, энергетики и информационного поля планеты в единую глобальную систему отнюдь не обязательно связан с моделью, против которой выступают «антиглобалисты». Но кроме американского

варианта «долларовой глобализации» существуют и другие возможности. Например, всемирная исламизация, идеологи которой уже рисуют карты будущего мира, закрашивая страны зелёным цветом знамени Пророка, или китайская модель глобализации, неспешно, но эффективно формирующая центральную роль Чжун Го (Срединного Царства) в мировой экономике, а в перспективе – и в политике.

Попытки поиска выхода из кризиса начались в 1990-х годах. На Всемирном Саммите в Рио де Жанейро в 1992 году была сформулирована концепция «устойчивого развития». Этот термин, мнению многих, неудачен: ведь «устойчивость» предполагает стабильность характеристик, а «развитие» – их изменение во времени. Противоречие снимается, если мы поймём, что понятие «развитие» предполагает *цель*, при достижении которой система способна противостоять внешним помехам. Именно так происходит онтогенез, развитие индивидуальных живых организмов: растение или животное достигает цели своего развития, осуществляя программу, заложенную в ДНК, несмотря на порой нелёгкие внешние условия. В процессе филогенеза, несмотря на отсутствие явно заданной программы развития, «цель» эволюции определяется требованием появления более устойчивых и более эффективно трансформирующих энергию видов в соответствии с «принципом устойчивого неравновесия» Э. Бауэра⁴. Благодаря этому в процессе эволюции появляются виды морфологически и физиологически всё более совершенные, вплоть до появления уникального существа, мозг которого способен обеспечить разумное поведение и оперировать абстрактными понятиями, – Человека. Мы полагаем, что на смену термину «устойчивое развитие» пора ввести термин «ноосферное развитие», т. е. такое развитие, целью которого является Ноосфера, общепланетная Сфера Разума.

Учение о ноосфере развивали в XX веке известные французские учёные, Эдуард Леруа, который впервые ввёл термин «ноосфера» в научный обиход, и его друг, палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден; свой вклад в это учение сделал и Владимир Иванович Вернадский (1863–1945)⁵, который научно обосновал появление новой планетарной оболочки – Ноосферы, возникающей на основе Биосферы, Сферы Жизни, в космическом эволюционном процессе. Корни этой идеи лежат в лучших чаяниях русских мыслителей, проникнутых идеями всечеловеческого братства, в особенности в трудах представителей того направления отечественной философии и науки, которое получило название «русский космизм»⁶. В нём Россия предлагает миру цель объединения человечества на планете, существенно отличную от тупиковых и разрушительных целей общества потребления. Идея Ноосферы предполагает «цветущее многообразие» различных цивилизаций, сохраняющих ценности, добытые в истории национальных культур, и принципиально противостоит как идеям «технотронного общества» (З. Бжезинский), в котором на роль правителей мира выдвигается каста технократов, так и идеям «постиндустриального общества» (Д. Белл), якобы способного на место реального производства, связанного с материально-энергетическими процессами, поставить индустрию переработки информации и гипертрофированную сферу услуг. Эта идея противостоит также антинаучным и безответственным призывам возврата к идеалам «мира Традиции», выдвинутой в сочинениях европейских оккультистов вроде Р. Генона, перешедшего из католичества в ислам, Ю. Эволы, проповедника «языческого империализма», европейских «крайних правых» и неофашистов, идеи которых под знаменем «Консервативной Революции» в России транслирует А. Дугин⁷. История даёт немало примеров того, что попытки повернуть колесо истории ни к чему, кроме потоков крови и бессмысленных страданий, не приводили, а отказ от настоящей науки в пользу мистических и оккультных парадигм приводил лишь к социальной шизофрении. В противовес вызову оккультизма в

современной России идея Ноосферы может стать той площадкой, на которой возможно развивать конструктивный диалог между позитивной наукой и различными религиозными учениями. Ближе всего к ней из всех религиозных идей, известных человечеству, является христианское чаяние Царствия Божия «на Земле, яко на небесех.»

В наши дни в России возникло и активно развивается ноосферное движение, объединяющее естествоиспытателей, деятелей культуры и образования⁸, проводится множество научных встреч, семинаров, конференций, посвящённых идеям Вернадского и формированию ноосферы. Известный американский политик и экономист Линдон Ларуш, узнав о идеях Вернадского от П. Г. Кузнецова, активно популяризирует эти идеи в США, опубликовав на эту тему ряд статей в своём журнале «Executive Intellectual Revue» и монографию «Экономика ноосферы»⁹. Но задолго до наших дней о необходимости перехода человечества на новый путь жизни писал замечательный русский мыслитель Николай Фёдорович Фёдоров, впервые в истории мировой мысли высказавший идею о необходимости регуляции общепланетных процессов силою человеческого разума и имеющий полное право считаться предтечей и пророком ноосферного мировоззрения.

Сегодня наша планета стоит перед решающим выбором – идти по пути самоуничтожения в глобальных катастрофах или же по пути формирования ноосферы, в появлении которой был убеждён Владимир Вернадский. Возможности реализации ноосферы становятся всё более осязаемыми, особенно в связи с качественно новыми средствами объединения человечества, такими, как спутниковая связь и компьютерные сети. Мы уже фактически вступили в начальный этап формирования ноосферы, и, несмотря на все трагедии, войны, проблемы социальные, философские и нравственные, кажущиеся подчас совершенно неразрешимыми, человечество сегодня, как никогда раньше, имеет шанс состояться. Важнейшим вопросом, от решения которого зависит – быть Ноосфере, или исчезнуть человечеству с лица планеты, является выработка целостного мировоззрения, гармонически сочетающего истины науки и религии, философии и искусства и дающего основания для действия, объединяющего усилия разных народов, культур и талантов в общем деле формирования таких условий жизни на планете Земля, а по большому счёту – во Вселенной, в которых человек мог бы достойно жить и чувствовать себя Человеком.

За две тысячи лет со времени Рождества Христова на земле не осталось ни одной страны и ни одного племени, в которых не прозвучали бы слова Христа и апостолов, бывших живыми свидетелями Его проповеди, чудес, исцелений, воскрешения мёртвых, распятия и Воскресения. Никто сегодня уже не имеет права заявить, что он не знал или не слышал об этом. И тем не менее многим людям что-то мешает услышать призыв к новой жизни, преображению – в первую очередь самих себя, и, как следствие, мира, переходу его в новое качество бытия, в сравнении с которым наше нынешнее бытие, даже в самых сильных и ярких его проявлениях, является лишь ущербной и скудной тенью. Теологи говорят об этой форме бытия, как о Царствии Небесном, а наука, предсказывающая его неизбежный приход, даёт ему имя Ноосферы, напоминая, что «Νοῦς», Нус, Ум или Дух – это одно из имён Божьих,

Что же мешает людям услышать и понять смысл пророчества о грядущей Ноосфере, о верности которого свидетельствуют как апостолы, так и сумевшие заглянуть в будущее гениальные учёные? Конечно, всё те же несовершенства грешной человеческой природы, о которых с недоумением вопрошал Сократ, не умевший понять, почему люди знают, как поступать хорошо, но поступают дурно. Над преодолением этих несовершенств человечество осознанно стало работать со времён Авраама, вот уже 2000 лет трудится христианство, и не нужно думать, что безуспешно, – ведь несмотря на все страсти мира и

яростное сопротивление антихристианских сил, внешних и внутренних, человечество всё же движется по пути к ноосфере. Причины, мешающие поверить учёным и пророкам, давно известны: это легион страстей и недостаток любви, над которой, если она слаба, берёт верх страх. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Ин. 4:18). А главная форма страха, корень всех остальных его видов, это, конечно, – страх смерти, диаметрально противостоящий единственной форме страха, необходимого христианину для спасения, – страху Божию, страху погрешить против Истины и потерять её, быть отлучённым от неё даже на время, не говоря уже – навеки.

Одним из серьёзнейших «достижений» врага рода человеческого, определивших и его последующие успехи в расколе церкви сначала на Восточную и Западную, а в дальнейшем – на разветвления сотен протестантских деноминаций, явилось вытеснение чувства живой любви и внедрение в религиозное сознание страха перед вечными муками в качестве внешнего рычага для управления человеческим поведением. Неменьшим «достижением» стало появление отношения к Истине, как к вещи, которой можно обладать и пользоваться, а не как к живому существу, самому Христу. Присвоение клириками права на использование библейских текстов в качестве инструмента манипуляции душами паствы всегда вызывало резкое отталкивание от Церкви множества мыслящих людей, не допускающих никаких, пусть даже претендующих на спасительность, попыток манипуляции и требующих к себе честного и искреннего, уважающего личность, её разум и свободную волю, отношения.

В процессе развития знаний о Вселенной обнаружилось очевидное расхождение между буквально понимаемым текстом Библии и представлениями естественных наук о происхождении мира, живых существ и человека. Развитие экспериментального метода изучения природы позволило создать убедительную, внутренне согласованную картину мира, как иерархии систем, подчиняющихся постижимым и логичным законам, от элементарных частиц до космологических объектов. Эти успехи породили горделивое, но ложное в своей основе представление, наиболее отчётливо выраженное в ответе Лапласа Наполеону на вопрос, где же место Творца в его системе мира: «Сир, в этой гипотезе я не нуждался!» Всё это поставило многих мыслящих людей в конце прошлого века в оппозицию к Церкви, а со стороны церковников, мысливших в совершенно иных категориях, привыкших более к толкованию священных текстов, чем к изучению природы и интерпретации естественных наук, вызвало естественную охранительную реакцию отталкивания от науки, ведущую в конечном счёте к прямому обскурантизму.

Я осмелюсь утверждать, что именно в Библии пророчески предсказана победа Ноосферы, Царства Разума, соединяющего Волю Божью с волей человека в служении Истине, Добру и Красоте, предсказана неоднократно, благодаря чему эта Великая Книга и была источником надежды для народов в самых невыносимых ситуациях. О тех, кто не слышал, было сказано уже в Ветхом Завете: «Но они не послушали, и не приклонили уха своего, и жили по внушению и упорству злого сердца своего и стали ко Мне спиною, а не лицом» (Иер.7:24). О великой победе, которая обязательно придёт после страшных битв и тяжелейших испытаний, дал свидетельство в первом веке христианской эры любимый ученик Христа в самом таинственном из священных текстов, «Откровении Иоанна Богослова», известном также под названием «Апокалипсис». Замечу, что это слово сегодня используется совершенно неверно, как синоним космических катастроф, вселенской гибели. Действительно, описания бед, происходящих на земле, когда Ангел выливает на неё чаши гнева, вплоть до «падения звезды Полынь», которую сопоставляли с Чернобылем, в

этой книге есть. Но главное пророчество, о котором часто забывают, содержится в последних главах, где Иоанн слышит «громкий голос с неба, говорящий: вот, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» (Откр.21:3-4). И в этой уверенности в неизбежности победы добра над злом, разума над бессмыслицей, жизни над смертью, выводы науки полностью соответствуют сути учения Церкви. Два слова – «Апокалипсис» и «Ноосфера» – являются ключевыми для понимания нашего времени.

Первым человеком, начавшим строить мост между реальной наукой и православной верой в России по праву может быть назван Николай Фёдоров. В конце XIX века появились яркие примеры ученых, философов и богословов в одном лице – таких, как о. Павел Флоренский или замечательный физиолог А. А. Ухтомский. К сожалению, их было мало тогда, мало и сегодня. Но роль Николая Фёдорова в наведении мостов через пропасть между религией и наукой трудно переоценить. Возьмём, например, идею атомизма, которая считалась несовместимой с учением Церкви, как в форме учения Лукреция – Эпикура, так и в форме представлений атеистов эпохи Просвещения, Дидро, Гольбаха и Гельвеция. Идея атомизма (о чём часто забывают) была одним из главных пунктов при обвинении Галилея в ереси, более серьёзным, чем его коперниканские взгляды. Действительно, картина мира, как множества носящихся в пустоте безо всякой цели и смысла атомов, кажется на поверхностный взгляд совершенно несовместимой с идеей о Вселенной, управляемой Провидением Всеблагого Творца. Тем не менее именно эта идея является основой всей современной физики.

Выдающийся (может быть, самый выдающийся) физик XX века Ричард Фейнман писал: «Если бы в результате какой-либо мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это атомная гипотеза (можете считать её не гипотезой, а фактом, это ничего не меняет): *все тела состоят из атомов – маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении* <...> В одной этой фразе, как вы убедитесь, содержится невероятное количество информации о мире, стоит лишь приложить к ней немного воображения и чуть соображения»¹¹.

Николай Фёдоров, будучи глубоко верующим христианином, понял впервые, что именно атомистическая теория, которая в его время была не более, чем гипотезой даже для крупных естествоиспытателей, не только не противоречит основному упованию христианства – воскресению мертвых – но именно «собираение атомов» даёт основу для полного телесного восстановления наших любимых, унесённых смертью. Огромное значение для формирования разумного отношения к природе имеют идеи Фёдорова о «регуляции природы», о создании специальных служб, организованных по принципу армии, для борьбы со стихиями, приносящими до сих пор неисчислимые убытки мировому хозяйству. До сих пор разъединённое человечество терпит огромные, как экономические, так и человеческие потери – лишь один из ураганов, Эль-Ниньо, систематически приносит ущерб в десятки миллиардов долларов и уносит тысячи жизней. Мысль Фёдорова о космической роли человечества, как силы, противостоящей разрушению Вселенной, является, безусловно, гениальной. В конце XIX века в связи с открытием Второго начала Термодинамики, утверждающего, что в замкнутых системах энтропия, мера хаоса и деградации энергии, может только возрастать, появилось учение о «тепловой смерти Вселенной», наложившее мощный отпечаток на мировоззрение философов и физиков.

Идеи Николая Фёдорова могут стать основой для преодоления убеждения о непреодолимости «тепловой смерти Вселенной» – оно позволяет избавиться от понимания Вселенной, как «замкнутой системы», и стать основой для фундаментальных исследований роли Сознания и Разума, как факторов, открывающих нашу «замкнутую Вселенную» Божественным Энергиям, о которых прекрасно знали исихасты и святые, постигая их в опыте «умного делания».

Восстановление религиозного сознания в постсоветском обществе, явление, несомненно, позитивное, несмотря на все издержки этого процесса. Народ смог воочию убедиться, что истины, к пониманию которых Церковь вела его в течение тысячи лет, и которые он с присущей русской нации страстностью так быстро и опрометчиво отбросил, соблазнившись мнимой лёгкостью построения коммунизма на «научной» основе, не погибли, что Церковь жива, несмотря на все свои болезни, «и врата адовы не одолели её». Оказалось, что эти истины отнюдь не так-то просто объявить «опиумом для народа» и скинуть с парохода истории. Но тем более актуальной становится в наши дни задача понять глубинный смысл этих истин, разобраться, в каком отношении они находятся к истинам, которые честно добывают естественные науки – физика, космология, геология, биология, включающие в качестве необходимой составной части учение об эволюции, которое, вроде бы, никак не совместимо с Библейским шестодневом, на чём особенно активно настаивают представители протестантского «научного креационизма», и к чему гораздо более спокойно относятся, за некоторыми исключениями, мыслители православного (например, замечательный русский поэт и писатель А. К. Толстой) и католического (не менее замечательный английский писатель Г.-К. Честертон) вероисповедания. К сожалению, и на полках с православными изданиями появляются откровенно обскурантистские сочинения, отрицающие научную картину эволюции мира¹².

Вопрос о реальном отношении истин науки и религии особенно актуален в современной России, и от него уже невозможно отмахнуться. Отсутствие целостного мировоззрения – основа возникновения социальной шизофрении, плоды которой уже дают себя знать и в политике, и в экономике, и в образовании, и в здравоохранении, и в армии, и в космосе. Я считаю проблему формирования ноосферного мировоззрения самой важной из всех проблем, стоящих сегодня перед человечеством, ибо от решения её зависит в конечном счёте само существование человеческого рода на земле. И именно поэтому сегодня вновь привлекают наше внимание идеи Николая Фёдорова. Известно, что ознакомившись с учением всеобщего дела, Владимир Соловьёв писал Федорову: «со времени появления христианства Ваш “проект” есть первое движение вперёд человеческого духа по пути Христову»¹³. Фёдоров, в отличие от многих мыслителей его времени, не испугался внешних разночтений Библии и естественных наук, которые ввели в соблазн очень многих его современников. Лев Толстой, например, заявлял: «Если возможна Троица, непорочное зачатие и искупление рода человеческого кровью Христа, то всё возможно, и требования разума необязательны», ставя свой гордый, но неизбежно ограниченный разум на место высшей мудрости. Позиция Толстого вызвала резкую отповедь Фёдорова – известно, что после опубликования Толстым в Лондоне письма «О голоде», в котором граф призывал не выполнять воинской повинности и уклоняться от уплаты налогов, Фёдоров при встрече в Румянцевском музее просто отказался подать ему руку.

Идея Троицы, как образ будущего устройства жизни человечества, при котором родство и любовь, вплоть до полной взаимной прозрачности лиц, полного принятия другого, как самого себя – это любимейшая идея Фёдорова, особо чтившего преподобного

Сергия Радонежского, который внёс эту идею в русское сознание и помог ей укрепиться в нём. Фёдоров, оставаясь истинным христианином и по убеждениям, и по образу жизни, близкому к аскетическим подвигам первых лет христианства, понял, что все достижения разума, науки, искусств могут и должны быть соединены с главной задачей человеческого рода – победить смерть, и не просто породить новое, бессмертное племя «сверхчеловеков», о чём мечтал его современник Ф. Ницше, но исполнить великий долг перед своими предками, не успевшими войти в новый мир, где смерти больше не будет, воскресить их, вернуть к жизни!

И до Федорова было множество искренне верующих ученых, мыслителей, художников. Но никто из них не осознал с такой ясностью, что все их творчество обретает истинный смысл лишь в свете этой великой задачи. В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» один из его героев, Николай Веденяпин, фактически озвучивает идеи Федорова, говоря, что «человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем ее понимании она основана Христом, что Евангелие есть её обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и её будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться в этом направлении нельзя без некоторого подъёма. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии».

Я могу с уверенностью утверждать, опираясь на профессиональные знания, что уже сегодня уровень науки и технических средств, включая новейшие открытия и технологии в области биофизики, информатики, медицины делают практически вполне реальными воплощение самых смелых идей Николая Фёдорова. Наука ещё в XIX веке отчётливо осознала тот факт, что природа жизни не включает в себе с необходимостью смерти: каждая живая клетка потенциально бессмертна, она способна делиться бесконечно, а смерть многоклеточных – это своего рода плата за сложность, приспособление, возникшее в процессе эволюции, и обеспечивающее бессмертие и способность к совершенствованию уже не индивида, а вида, как целого. С появлением совершенно нового качества живых существ – разума и личности – это приспособление теряет свой смысл, может и должно быть преодолено силами этого разума, опирающегося на благодатные энергии Истины.

Сегодня наука уже практически созрела для того, чтобы всерьёз ставить задачу физического восстановления тел, если сохранилась ДНК клеточных ядер, например, мумифицированных или замороженных тел или их частей – это уже дело конкретных исследований и практики. При условии социального заказа и финансирования даже в объёмах значительно меньших, чем затраты на освоение космоса и военные расходы, не говоря уж о совершенно бессмысленных и губительных расходах на наркотики, алкоголь, табак и порнобизнес, эта задача может быть решена в течение максимум десятилетий. Биофизика и молекулярная биология наших дней достигли больших успехов в сфере понимания механизмов, определяющих длительность жизни. После гигантского прорыва 1960-х годов, давшего научное понимание природы наследственности и синтеза белков, учёные вплотную приблизились к исследованию тончайших процессов управления в живых системах. Открыты «гены-иммортизаторы», связанные с обеспечением бессмертия на клеточном уровне, специальные участки хромосом – «теломеры»- и управляющие их деятельностью ферментные комплексы «теломеразы», определяющие число делений клетки в жизненном цикле. Освоена техника клонирования – выращивания точных генетических копий живых существ, уже внедряемая в сельском хозяйстве, но потенциально способная воспроизводить и людей на основе генетической информации, заложенной в практически

любой клетке организма. Огромными шагами движутся биологическая кибернетика, биохимия и биофизика в области понимания механизмов морфогенеза, старения, регенерации и омоложения. В конце прошлого тысячелетия успешно завершена международная программа «Геном человека», которая даст новые ответы на множество фундаментальных проблем физиологии и медицины.

Сравнительно недавно появились качественно новые инструменты для управления клеточными процессами – вещества из группы активных пептидов, которые не вступают в химические реакции в клетке, а действуют на специфические белки-рецепторы, расположенные на её поверхности, как сигнал, запускающий через систему клеточного усиления внутренние механизмы клеточной регуляции. Открытый в России замечательный препарат из этой группы, L-карнозин, уже заслужил добрую репутацию стимулирующего иммунитет, антиканцерогенного и даже ювенологического средства. Коллеги сообщили мне недавно из США, что успешно проведены испытания другого вещества, связанного с регуляцией циклов клеточного деления, которое оказалось способным более чем в три раза продлить период активной жизни экспериментальных животных. Найдены уникальные стимуляторы памяти, пептиды, способные эффективно поддерживать деятельность мозга – некоторые из них, такие, как дельтаран (биолан) уже введены в производство в нашей стране и эффективно применяются при лечении бессонницы и различных неврозов. Конечно, наивным было бы заявлять, что наука уже полностью проникла в тайны жизни и смерти, а тем более вещать о «конце науки». Бесспорны недостаточность современных научных знаний, наличие множества нерешенных проблем и предчувствия грядущих фундаментальных открытий. Но можно с уверенностью утверждать, что идеи Фёдорова – это отнюдь не «утопия, а с точки зрения науки и фантазия»¹⁴, а мысли, почва для воплощения которых созрела.

Главная проблема сегодня – не в слабости науки. Она лежит в сфере социальных отношений, и требует как можно более скорого, глубокого и всеобщего осознания невозможности более жить, уклоняясь от главной задачи, поставленной перед человеком его Творцом – от задачи, данной в Эдемском Саду «хранить и возделывать его» (Быт. 2:15). Николай Фёдоров впервые осознал, что таким Садам должна стать вся данная человеку для жизни Вселенная, а для начала – планета Земля, и именно в этом заключается космическая миссия и задание Человечества. Идея о том, что человек является не случайным результатом бессмысленной игры атомов, а важным элементом Вселенной, от которого зависит и само её существование, находит поразительную поддержку в «антропном принципе», открытым физиками во второй половине XX века при анализе удивительно точной взаимной «подгонки» фундаментальных мировых констант – скорости света, постоянной Планка, заряда электрона и других – таким образом, что малейшие их изменения приводят к невозможности существования атомов, планет, и, конечно, живых существ, включая человека¹⁵. Физики убедились, что параметры Вселенной точнейшим образом «настроены» так, что в ней возможно появление мыслящего «наблюдателя», и представления материалистов XVIII века о безразличии Вселенной к человеку, возможно, значительно менее адекватны, чем евангельская мысль о том, что *«вся тварь совокупно стенает и мучится донныне»* и *«с надеждою ожидает откровения сынов Божиих»* (Рим. 8:22, 19)

Человеку дана возможность выйти на путь бесконечного возрастания, на котором только и можно осуществить требование Христа: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48). Для такого осознания необходима истинная «метанойя». Слово это, обычно переводимое, как «покаяние», означает не просто некое огорчение, пусть даже

со слезами, по поводу своих грехов, но глубинную «перемену разума». Метанойя – мать Ноосферы, основное условие её формирования. И корнем этой «перемены разума» является глубочайшее, поистине революционное изменение отношения к смерти. «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих» (Прем.1:13) – сказано в Библии. Смерть, величайшая трагедия Личности, рассчитанной на бесконечное возрастание и обрывающейся в мрак загробного бестелесного и страдательного бытия, не есть закон природы, именно потому, что хотя человек и был создан из биологического материала, он получил иную природу, природу разумную, для которой уже не являются абсолютными требования биологии – их можно и нужно превзойти. Можно только посоветовать вместе с Николаем Фёдоровым по поводу заблуждений и грехов нашей цивилизации, тратящей силы на войны и «мануфактурные игрушки», находясь над пропастью, к которой она, идя по этому пути, приближается всё больше.

Древняя катастрофа, описанная в Библии, как грехопадение в Райском саду (кстати, не имеющее ни малейшего отношения к сексуальному акту – ведь заповедь «Плодитесь и размножайтесь» была дана Адаму и Еве до грехопадения, и уж, конечно, они должны были исполнять эту заповедь не посредством почкования), привела к частичному отпадению от прямой связи с Божественными энергиями. Следствием грехопадения, по библейскому учению, стала необходимость «добывать хлеб свой в поте лица своего» и человечество вступило на тяжкий путь исторических испытаний, трудов, битв и страданий, в ходе которого человек обнаруживал, чем же он в действительности является, чего хочет и может, и способен ли решить задачи, поставленные Творцом, Который, несмотря на все наши безобразия, всё-таки любит нас и ждёт, что мы поумнеем. Впрочем, я не собираюсь ни пересказывать Библию, ни строить очередную философию истории. Я просто хочу ещё раз подчеркнуть, что отмена постулатов «смертобожничества»¹⁶, веры в неизбежность, а тем более в естественность и неодолимость смерти, – необходимое и важнейшее условие ноосферного мировоззрения.

Именно в этом в первую очередь состоит уникальный вклад Николая Фёдорова в его формирование. Изменение общего отношения к смерти должно стать началом полного изменения ценностных ориентиров человечества. Не нужно думать, что этот процесс будет безболезненным – ведь на признании неодолимости смерти стоит сегодня очень многое, начиная от институтов власти практически во всех её формах – кроме власти духовной, власти истины над разумным существом – до проявлений явного или скрытого влечения к смерти в огромном числе социальных ситуаций, от определённых форм юмора и искусства до прямого насилия и самоубийств. Нет ничего удивительного в том, что люди, рвущиеся к власти, практически всегда являются тайными или явными некрофилами – Гитлер, Сталин и Пол-Пот дают яркие примеры этого. Но человечеству пора увидеть и назвать врага: осознание каждым человеком своего личного отношения к смерти – это уже почти половина дела. Преодоление смертобожничества, как основы современного мировоззрения¹⁷, – огромная, назревшая проблема.

Важнейшей практической задачей сегодняшнего дня является работа просветительская – причём речь идёт не только о просвещении широких масс учащейся молодёжи, но и о просвещении вполне сформировавшихся деятелей в различных областях науки, искусства, политики, и, в особенности, религии. Идеи Фёдорова могут стать полем содержательного и конструктивного диалога науки и религии. В Русской Православной Церкви сегодня существует, и довольно большой, слой «консерваторов», полагающих, что почти все искания русской мысли конца прошлого и начала XX века, включая творчество Н. Фёдорова, Владимира Соловьёва, о. Павла Флоренского и других замечательных людей,

стремившихся установить единство истин науки и религии, – это что-то вроде ереси (хотя для такого суждения нужно по крайней мере Соборное постановление), и для спасения они вовсе не нужны, а может быть даже и вредны. Назрело время для общего, церковного и светского, обсуждения этих вопросов, оставшихся нерешёнными и отодвинутыми в сторону перед революцией. Я допускаю даже, что своевременное честное решение этих вопросов (включая проблему «имяславия») могло бы дать в то время России силы преодолеть кризис и не допустить разрушительной революции. Не будем забывать, что созвучность декларируемых коммунистами идеалов с глубинными христианскими идеалами русского народа были одной из важнейших духовных основ народного энтузиазма, увидевшего в «призраке коммунизма» древнюю мечту о торжестве Царствия Божия на земле. Не менее важно ознакомить с идеями Фёдорова и Вернадского широкие круги учёных, врачей, педагогов – нет сомнения, что в огромном числе честных умов и сердец они вызовут отклик и понимание. За пятнадцать лет со времени начала работы Фёдоровских семинаров под руководством С. Г. Семёновой в Обществе им. Н. Ф. Фёдорова накоплен большой материал, связанный с проблемой современного понимания этого учения, с анализом множества опасностей и ловушек, как научного, так и религиозно- философского характера, в которые может попасть какой-нибудь чрезмерно ретивый деятель, восхищённый гениальностью Фёдоровских идей и ничтоже сумняшеся решивший немедленно претворить их в действительность. Этот материал становится неоценимым сегодня, когда необходимость перехода на качественно новый уровень мировоззрения уже осознают многие серьёзные мыслители и политические деятели. Здесь же наработаны и многие ответы критикам учения Фёдорова, как в сфере естественных наук – биологии, медицины, физики, космологии, так и в сфере религии и философии.

Самая большая опасность, которая может угрожать Фёдоровским идеям – это опасность сделать из него что-нибудь вроде нового «великого и всепобеждающего учения» и силовыми приёмами внедрять в умы народа. Только всерьёз занявшись изучением его идей, а это дело отнюдь не простое и не лёгкое при всей их кажущейся простоте, каждый лично может приблизиться к тому уровню духовности, на котором станет понятной любимая поговорка Фёдорова: «Не гордись, тряпка, завтра будешь ветошкой!» и проникнуться действительным пониманием того, что же именно он сможет внести в виде вклада в Общее Дело. Но, поверьте, то, что вы приобретёте, работая над текстами Николая Фёдорова, вникая в глубину его идей и восхищаясь озарениям его мысли, останется с вами навсегда. Тем более, что сегодня мы, наконец, имеем возможность обратиться к первоисточнику – собранию сочинений Н. Ф. Фёдорова с подробным историческим и методологическим комментарием¹⁸.

Время, в которое мы живём – поистине «минуты роковые» для человечества. Проблемы, ещё недавно казавшиеся чисто академическими, обретают в наши дни востребованность и актуальность. Это относится не только к России, но и ко всему миру, который становится, несмотря на все центробежные силы, разделяющие людей и разбрасывающие их по различным слоям и стратам, всё более осознающим свою целостность и необходимость перехода на ноосферный путь развития. Идеи Николая Фёдорова особенно важны сегодня для возрождения Новой России – не сырьевого придатка к мировому рынку, а передовой, великой страны, родины учения о ноосфере, пророком которой был скромнейший из людей, учитель и библиотечный работник, великий русский мыслитель Николай Фёдоров.

- ¹ *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. М., Наука. 1999.
- ² *Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С.* Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? Учебное пособие для ВУЗов М., 1997.
- ³ Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
- ⁴ *Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. Спб., 2002.
- ⁵ *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.
- ⁶ Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993.
- ⁷ *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994.
- ⁸ *Режабек Б.Г.* Ноосферное мировоззрение // Глобалистика. Энциклопедия. С. 705–706.
- ⁹ *Larouche L.* The Economics of Noosphere., NY, 2001.
- ¹⁰ Пустозерская проза. М., 1989.
- ¹¹ *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т. 1. М., 1967. С. 22.
- ¹² Шестоднев против эволюции. М., Паломник. 2000.
- ¹³ *Соловьев В.С.* Письма. Т. II. СПб., 1909. С. 346.
- ¹⁴ *Блинников Л.В.* Великие философы. М., 1997.
- ¹⁵ *Казютинский В.В.* Антропный принцип и мир постнеклассической науки // *Астрономия и современная картина мира*, М. 1996. С. 143–182.
- ¹⁶ *Смертобожничество* – термин, введенный русскими религиозными мыслителями А. К. Горским и Н. А. Сетницким в богословском трактате «Смертобожничество» (Харбин, 1926). См.: *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Соч. М., 1995. С. 19–96.
- ¹⁷ См. подробнее: *Режабек Б.Г.* Смертобожничество в спектре современных мировоззрений // *Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений*. Вып. 1. М., 1996. С. 23–34.
- ¹⁸ *Фёдоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1995–1999; Дополнения. Комментарии к Т. IV. М., 2000.

И. М. Борзенко

ПОЛНОТА ТРЕТЬЕГО ПУТИ

Человечество стоит на распутье. На наших глазах происходит формирование глобального направления развития современного общества. «Третьим путем» обычно называют такую стратегию, которая отрицает как «безудержный» капитализм, так и «уравнительный» социализм. При этом, разумеется, интересуются не этими отрицательными характеристиками-ограничениями, а положительными ориентирами-целями, определяющими маршрут движения. Нас также будут интересовать именно целевые ориентиры, но не только и не столько предельные, эсхатологические, а скорее промежуточные, соединительные, намечающие путь от сегодняшних реалий к этим заоблачным вершинам.

1. Историческая преамбула: сегодняшние реалии

В теории и практике социального строительства наиболее широко известны два варианта третьего пути – анархизм и конвергенция. Если воспользоваться известными лозунгами Французской революции: свобода, равенство и братство, то обычно полагают, что в ортодоксальном капитализме отдают излишний приоритет свободе, а в ортодоксальном социализме – равенству. Анархизм, отвергая власть, призывает к братству. Конвергенция, двигаясь по пути либо «капитализма с человеческим лицом», либо «социализма с человеческим лицом», также стремится к некоторым гармоничным «смешанным обществам». «Человеческое лицо», то есть идея братства, здесь частично

реализуется в формах ненасильственного выбора власти и социальной поддержки слабых (детей, стариков, больных) сильными. На плечи этих «сильных» ложится, разумеется, и забота об общегосударственных расходах.

Идеи анархизма витали в умах еще со времен Платона. Из теоретиков нового времени хорошо известны имена Прудона, Бакунина, Кропоткина. Но невозможность преодоления вопиющего разрыва между теорией и существующими формами человеческого общежития привела к утрате анархистами своего влияния. Идеологию современных анархистов характеризует враждебное отношение как к буржуазным так и к социалистическим формам государства. Это приводит их, например, левозкстремистов «красных бригад» в Европе, к сосредоточению основного внимания на насилии, как единственной форме перехода к вольному братству. Безмотивный террор возводится в ранг политики. К счастью, такой подход все в большей степени отвергается обществом.

Идеи конвергенции в форме теоретических прогнозов прозвучали в пятидесятых-шестидесятых годах двадцатого столетия. К этому времени большинство стран Западной Европы, Северной Америки и Японии, то есть наиболее индустриально развитые страны мира, прочно встали на путь современной рыночно-правовой цивилизации. Некоторые из них шли к этому состоянию после буржуазных революций восемнадцатого века демократическим, ненасильственным путем. Другие страны из этого списка прошли через диктатуру фашизма. Для их демократизации понадобилась вторая мировая война. Так или иначе, в этих странах устанавливался баланс свободы предпринимательства и равенства всех перед законом, который должен был учитывать некоторые принципы социальной справедливости, то есть отдельные формальные элементы братства.

Для демократизации большинства социалистических стран, существовавших на принципах диктатуры большевизма, понадобилась «перестройка». После распада лагеря социализма идеи демократизации (политического ненасилия) и конвергенции приобретают в современном мире подавляющее влияние. На путь эволюционной перестройки вступает Китай. «Тройственный союз» свободы, равенства и братства с учетом местных особенностей приобретает планетарные масштабы. Идея политического ненасилия как в отношениях между странами, так и внутри стран (при выборе приоритетов «тройственного союза»), хотя пока и не везде, начинает приобретать форму общепринятой нормы.

К сожалению, все эти важные принципы и идеи рыночной демократии не раскрывают направленности дальнейшего развития. И причина в этом одна – все такого рода ограничительные принципы не выявляют прямого отношения человеческой деятельности с ее конечными стимулами: для раскрытия положительных характеристик третьего пути необходимо знание предельных целей. Необходимо понять, насколько те фактические цели, к достижению которых направлена современная деятельность, адекватны предельным, вечным целям рода человеческого, которые диктуются нам и человеческими «хотениями» и всей обстановкой в мире. И сейчас и на будущих путях мировой эволюции. Такую поддерживаемую надеждой устремленность человеческого ума и сердца к абсолютным ценностям и целям будем называть религиозной. Ниже продолжим наши размышления о третьем пути с характеристики современных стимулов производительной деятельности людей.

2. Тупики парадигмы потребительства.

Идея «национального рая» в условиях рыночных демократий, несмотря на ее видимые успехи, начинает давать сбои. С одной стороны, как показал опыт двадцатого

века, мировой характер научно-технического прогресса, интернационализация политической и культурной деятельности и, главное, явные преимущества либеральной экономики перед планово-тоталитарным хозяйствованием в борьбе за уровень жизни людей подталкивают глобальную экспансию рыночно-правовой цивилизации. Однако, с другой стороны, те же процессы, характеризующиеся неравномерностью развития и резко возрастающей мощностью человеческих возможностей, приводят к опасности общепланетарных катастроф. Катастроф, связанных с насилием как между отдельными группами людей и индивидами, так и с насилием между людьми и природой. То есть, одновременно с территориальным расширением демократии, политического ненасилия, возрастает угроза опасных насилий в других сферах деятельности.

Принципиален вопрос – опасных для чего? Для жизни, для сохранения людей и природы. Значит, рыночная цивилизация, так эффективно обеспечивающая до сих пор растущие потребности человека, эти новые опасности не учитывает? И да, и нет.

Частично учитывает, потому что с помощью запретов и новых ограничений делается попытка свести надвигающиеся опасности к минимуму. По большому счету – не учитывает, так как запреты и ограничения лишь сдерживают темпы развития, противоречат стимулирующему развитию принципу свободного потребления, то есть подрывают корни, через которые это развитие питается.

Значит, тупик? Действительно, принципиальная трудность созревающей мировой ситуации в том, что главная стимулирующая человеческое творчество в рамках рыночной цивилизации сила – стремление к наибольшему удовлетворению свободных личных потребностей – лишь усугубляет отмеченные выше неравномерности и опасности. А где же братство, любовь к ближнему, любовь к природе? Рыночная этика эти принципы по большому счету игнорирует. В пределах семьи кормилец заботится о ближайших родственниках, о земле на своем собственном поле. Все это находится в пределах его непосредственного внимания, понимания и чувств. За пределами семьи, в масштабах города, государства, планеты, эти отношения между собственниками опосредуются. Их заменяют жесткие правила «рыночной игры». В этом их сила – без общепринятых, цивилизованных правил такие «дальние» отношения вообще становятся невозможными: их тут же погубили бы грабеж и обман. Но в этом и их слабость практически невозможными становятся здесь тонкие семейные, братские отношения, отношения, решающие проблему социальной справедливости, взаимопомощи.

Правовые элементы братства, поддержка слабых в рыночных демократиях есть фактически не братство, а лишь слабая тень братства на плоскости материально-экономических отношений. На каких формальных весах эту справедливость взвешивать? Теоретики либеральных демократий (например, известный экономист Фридрих фон Хайек) так и предлагают жить в двух нравственных мирах – в мире семейной любви и в мире формальных рыночных отношений.

Но мы только что отмечали, что это – не выход. Выйти из тупика, оставаясь в плоскости потребительских, экономических интересов, просто невозможно. Идея братства сжимается здесь до узких семейных границ. За семейным кругом эта идея резко формализуется и, главное, реализуется в виде принципов, противоречащих идее личного потребления: «Надо делиться». То есть сокращать потребление. Или – сокращать потребителей.

Значит, для принципиального разрешения проблемы необходимо посмотреть на вещи с более широких позиций. Необходимо вырваться из душной плоскости экономических интересов в насыщенное воздухом пространство всей жизненной полноты.

А для этого сжату в тень на этой плоскости идею братства надо развернуть в третью свободную координату, априори не ограниченную никакими, в том числе экономическими, критериями. Эти критерии должны быть следствием предельной, то есть религиозной, цели – всеобщей человеческой жизнестойкости, а не наоборот. В этой новой ситуации «тройственный союз» должен искаться уже не в плоскости двух координат равенства и свободы, а в полном жизненном пространстве с тремя координатами – свободы, равенства и братства. «Братство» – полноценная координата этого пространства, а не слабая тень на экономической плоскости. Причем, слово «братство», следуя Н. Ф. Федорову, можно понимать предельно расширительно, как «родство». Родство всех поколений человеческих. И потомков, и предков.

Разумеется, переход от близкой и понятной парадигмы личного потребления к абстрактной и далекой, на первый взгляд, цели общечеловеческого жизнеустройства не прост. Такой переход в психологическом и практическом отношении стал бы космическим прорывом, скачком, равным по значению появлению самого человека. Скачком от сиюминутного личного сохраничества к всеобщему и вечному спасению рода человеческого. Поэтому, оговорив эту предельную, эсхатологическую цель, начнем наводить мосты между ней и современной жизнью. Мосты между вектором, балансирующим людские интересы в материально-экономической плоскости, и вектором, ведущим к конечной цели человечества в полноценном трехмерном пространстве свободы, равенства и братства, в пространстве спасения жизни во всей ее полноте.

3. Пути человеческого спасения.

Когда речь идет об опасностях для жизни, возникает проблема ее спасения. Проблема спасения от зла, от страданий, от уничтожения, от смерти. И одновременно с ней, как ее прямая тень-следствие, тут же рождается и тесно увязанная с ней проблема общечеловеческой солидарности в этих усилиях. Проблема братства.

Проблема спасения уже давно, не одно тысячелетие привлекала внимание человеческих умов и сердец. Это опыт мировых религий, философий, искусства. До поры до времени этот опыт исключительно связывали с именем Бога. В последние века все громче слышен голос науки о человеке, жизни, Вселенной.

Не будем в деталях останавливаться на некоторых жизнеотрицающих течениях религиозной мысли, усматривающих спасение от страданий в уходе в небытие. Из наших современников об этих учениях много писал и думал Л. Н. Гумилев. Тема примыкающего к этим течениям сатанизма, к сожалению, актуальна еще и ныне. Отрицающие, по сути дела, мир и жизнь, полные пессимизма, учения такого рода обычно появляются во время социальных катастроф и неурядиц, когда вера в неистребимость зла и его доминирование в мире особенно легко проникает в человеческие души. Правда, отрицая мир, эти жизнененавистники фактически отвергают и себя. Поэтому течения сатанистов, подобно эпидемиям заразных болезней, вспыхивают в потерявших душевный иммунитет регионах мира, но будучи прежде всего сами пораженными этими губительными заболеваниями, сторают до самоисчезновения. О феномене сатанизма надо, конечно, знать. Его надо изучать. И быть бдительными. Особенно теперь, когда, как уже подчеркивалось, человечество научилось создавать такие средства, с помощью которых идея всеобщего самоуничтожения может быть реализована.

Свои оптимистические надежды люди испокон веков связывали с жизнеутверждающими учениями. На Востоке индуизм оживил ранний, призывающий

погрузиться в небытие, буддизм. На Западе авраамистские религии (иудаизм, христианство, ислам) в роли субъекта своего служения приняли всеблагого и всемогущего вечно живого Бога. «Я есмь путь, истина и жизнь» говорит Христос. «Я предлагаю тебе жизнь» – говорит Бог Моисею. По Федорову, смерть есть зло, а жизнь – добро. Позже эту формулу практически дословно провозгласил А. Швейцер.

Варианты отдельных течений этих жизнеутверждающих религий различались между собой оттенками их отношений к проблемам спасения от зла (проблемам охранительным) и проблемам делания добра (проблемам созидательным). Конечно, эти проблемы взаимосвязаны – не может быть спасения без преображения. Но спасение может предполагаться либо личным (на вечную жизнь в раю могут рассчитывать лишь души праведников), а может быть и всеобщим. Можно заботиться лишь о душах, а можно – и о душах и о теле. Да и в последнем случае – можно совершенствоваться лишь человечество, а можно – и всю окружающую его природу. И роль творческих процессов, осуществляемых людьми, процессов преображения во всех этих альтернативных ситуациях может полагаться различной.

Главное, что нас сейчас будет интересовать, – значение собственно человеческих усилий в процессах спасения. Ведь спасение во всех теистических религиях есть прежде всего высочайшее дарение со стороны самого Бога. И в первую очередь, всем, верующим в Него. Что же должен делать верующий человек?

В православии существует на этот счет специальный термин – синергия, соработничество с Богом. Но это соработничество в христианстве порой ограничивается лишь смирением, аскетикой, нравственным приуготовлением. Обычные будничные дела, происходящие в мире, при этом не всегда охватываются церковным вниманием, освящением во всей их полноте. Индуизм также даже в самых активных современных его вариантах (например, в учении Ауробиндо Гхоша) ограничивается призывами к совершенствованию лишь человеческой природы. Правда, и души, и тела, и даже общества («интегральная йога»). Неприкосновенность же окружающей человека природы остается незыблемой.

И только активное христианство, начиная с учения Н. Ф. Федорова и его русских (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк и др.) и зарубежных (в первую очередь, П. Тейяр де Шарден) собратьев по мысли, настаивает на всеобщем преображении спасающегося человечества и окружающей его природы во всей их полноте и, главное, подчеркивает решающее значение собственно человеческого участия в этом грандиозном эволюционном процессе.

Участие же человечества в эволюции мира, разумеется, предполагает высокую роль знаний в творчестве спасения и роль человеческой солидарности. Ненасильная солидарность и есть братство.

Идеи активного христианства, прозвучавшие во второй половине девятнадцатого и начале двадцатого веков, получили официальную поддержку в последние годы в связи с резкой актуализацией экологических проблем. Так, в ватиканской энциклике 1981 года «О труде человеческом» подчеркивается, что труд «есть основная сторона человеческой жизни на земле». Процесс «божественного творения» мира представляется в энциклике в виде особой формы труда, и перед человеком ставится фундаментальная задача придать своей деятельности «божественный смысл», с помощью которого он сможет войти в дело спасения. Именно руководствуясь «первоначальным планом Творца» в отношении мира и человека, люди и «проявляют себя» как образ и подобие Божие. В устах современного православного богослова на страницах «Журнала Московской патриархии» (1985 год) эта

же мысль звучит примерно так: «Соединяя частицу божественной души и тварность, человек призван сообщить состояние обожения всей твари.»

Подчеркивая неоднократно эсхатологическую направленность православной службы, известный богослов о.Александр Шмеман отмечал ее принципиальнейшее значение для будничного труда прихожан. В одной из своих работ, прямо вспоминая Н. Ф. Федорова, он писал: «Покидая храм, православные христиане поют: “Видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного”, и, по замыслу, именно в этом свете, в этом приобщении Духу нам надлежит воздействовать и на самую жизнь, преображая ее, по слову русского религиозного мыслителя, в “литургию за стенами храма”».

Завершая настоящий раздел, еще раз обратим внимание, что только религиозная установка активного христианства, удерживающая в своем поле зрения материальное производство, позволяет перекидывать прочные мосты между существующей ныне «плоскостной», экономической точкой зрения на пути развития человеческого общества и расширенным, «пространственным», утверждающем полноту жизни подходом к поиску третьего пути.

4. От христианского мироощущения к ноосферному миропониманию

Ключевые моменты активного христианства – роль знаний и человеческой солидарности во всеобщем преображении спасаемого мира. Только всесторонняя продуманность каждого шага, сопровождаемая осторожностью, и общечеловеческое согласие в целях могут привести к успеху. Таково современное мироощущение активного эволюционизма. Но это мироощущение разделяют далеко не все. А многие из тех, кто его разделяет, не очень-то рассчитывают на успех. Тяжелейшие гири потребительского мировоззрения кажутся порой непреодолимыми, а надежды на успех активного эволюционизма – ничтожными. Как можно быть предусмотрительным, когда мир так сложен? Как можно найти согласие, когда люди столь по-разному на этот мир смотрят? О какой человеческой солидарности может идти речь в мире, в котором никак не удастся преодолеть насилие? Вот и предлагает рыночник Хайек, не прибегая к «пагубной самонадеянности», жить в двух нравственных мирах, а предсказывающие экологическую катастрофу ученые – физически сократить рост населения Земли. Так что же, выход из «плоскости»потребительства в «пространство» жизненной полноты, несмотря на призывы активного христианства, лишь иллюзия, обман? Снова тупик?

Свои надежды на благоприятный исход из этой кризисной ситуации один из видных представителей православной философской мысли двадцатого столетия С. Л. Франк в работе «Свет во тьме» обосновывал примерно так. Да, тьма, злое начало корысти, себялюбия, эгоизма и жестокости нависла над человечеством, над Землей. Яркое свидетельство этого – уроки большевизма, фашизма, мировых войн. Можно добавить сюда теперь и уроки экологических катастроф и уроки разрастающегося терроризма. Свету приходится светить сквозь эту тьму. Но Свет светит не только во тьме, но и несмотря на тьму. И хотя сила этого света, прорывающегося сквозь тьму, не столь сильна по достижении Земли, источник его вечен и неодолим. Вера в этот Источник – основа христианского мироощущения и конечного оптимизма. И «чтобы этот свет не тускнел, а разгорался возможно ярче», чтобы Он «все глубже внедрялся своей светоносной, животворной Правдой в нашу общую человеческую жизнь. <...> Наша обязанность как чад Божиих <...> не только ограждать человека и мир, как тварные воплощения Света, от

разрушительных сил зла, но и быть носителями Света». Такова позиция верующего человека, стоящего на позициях активного христианства.

Опираясь на образ, предлагаемый С. Л. Франком, можно, к сожалению, констатировать, что для восприятия ослабленного тьмой света необходимо достаточно чувствительное сердце. И несмотря на то, что многие люди обычно лучше воспринимают мир именно чувством, сердцем, мрачная тьма часто заслоняет от них радостный свет, не оставляя в их мироощущении оптимистических надежд.

Вывод таков – одного сердца для борьбы со злом недостаточно. Необходим союз ума и сердца. Необходимо тонкое ощущение света подкрепить и умножить активным и согласным с ним рациональным пониманием механизмов и цели преобразования мира. Тем более, что наряду с «лириками», живущими сердцем, человечество широко представлено и значительной армией «физиков», которые не готовы воспринимать возвышенные доктрины жизни без убеждающей логики ума. И этот вывод будет звучать еще более убедительно, если ясно представить себе, что созидательные проблемы конструктивного поэтапного жизнеустроительства (делания добра во всей его полноте) без четкого и адекватного миропонимания станут совсем уж трудно разрешимыми.

Недостаток пути через рациональное миропонимание – его «жесткий», специальный язык. Язык ученых, философов, мыслителей. «Мягкий» язык искусства, отражающий мироощущения художников, доступнее человеческой душе. На этом языке при широком общении с паствой говорят священнослужители. Догматический же язык богословов обычно оказывается доступным лишь подготовленным специально.

Но жесткая конструкция языка миропонимания имеет и свои огромные преимущества. Представления о мире, высказываемые на этом языке, имеют ясную логику и передаются от человека к человеку более однозначно, чем поэтические образы художников. Образы поэтов затрагивают самые различные струны воспринимающих их человеческих сердец. В этой гибкой легкости – пронцающая сила языка искусства, но в этом и его слабость. Он слишком субъективен. Субъективно мироощущение тех, кто рождает образы, и субъективно их восприятие. Ценность миропонимания, в первую очередь, научного миропонимания, в его объективности. Данные науки четко формулируются, сопоставляются друг с другом, проверяются опытом. Достоверное остается, не прошедшее проверку временем – отсеивается.

Так и существуют в каждом человеке в отдельности и во всем человечестве, вместе взятом, элементы объективного миропонимания и субъективного мироощущения. Но это сосуществование, разумеется, не автономно. Взаимодействие между миропониманием и мироощущением неизбежно. Знания общего миропонимания накапливаются, их главные положения становятся широко известными и, несомненно, влияют на человеческие мироощущения. Мироощущения, в свою очередь, тревожат человеческие сердца, подталкивают ум на разрешение новых возникающих проблем и таким образом влияют на углубление общего миропонимания. Динамическое сосуществование миропонимания и мироощущения неразрывно. Общее миропонимание сближает человечество. Мироощущение подталкивает и подкрепляет это движение.

Говорят, что научное знание нейтрально. Такое «знание – сила», но может использоваться и для добра и для зла. Обобщенное научное знание, миропонимание не может быть нейтральным. Современное миропонимание немислимо без идеи эволюции мира и активной роли человека на возможных путях ее развития. Выбор путей и критериев развития и есть выбор миропонимания. Миропонимания активного или пассивного,

фаталистического или просвещенного, катастрофического или оптимистического, то есть не теряющего надежд на торжество жизни.

Об активном христианстве мы уже говорили. Второе разветвление федоровского активного эволюционизма приводит к ноосферному миропониманию. Естественно-научная, объективная база такого миропонимания еще теснее по сравнению с активным христианством увязывает «пространственный» подход к поиску третьего пути с «плоскостной» точкой зрения современного экономизма. Основание для «наведения мостов» усиливается.

5. Ноосферное миропонимание как просвещенная религия

Ноосферное миропонимание рождалось в трудах В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Большой вклад в это направление активной эволюции внесли отечественные ученые С. А. Подолинский, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и другие. Как следует из самого названия, речь идет о принципиальной роли человеческого разума (нус – по-гречески) и о системной (сфера) организации эволюционирующего мира. По определению В. И. Вернадского, ноосфера есть высшая стадия развития биосферы, которая наступает после того, как солидаризовавшееся в глобальном масштабе человечество станет опираться в своей деятельности на планетарный научный разум. Предпосылки такой солидарности В. И. Вернадский выводил из научного анализа всей предшествующей геологической и биологической истории земли, а направленность ее движения как функции биосферы (биос – «жизнь» по-гречески) видел в укреплении жизни на земле и в космическом масштабе. Параллель с активным христианством, несмотря на научную педантичность ученого, бросается в глаза. Особенно прозрачной эта параллель становится тогда, когда свое ноосферное миропонимание излагает П. Тейяр де Шарден, который был не только известным палеонтологом, но и католическим священником. Фактически двуязычным был и великий предшественник современного активного эволюционизма Н. Ф. Федоров, прямо отмечавший, что обращает свое учение и к верующим, и к неверующим. С первыми он говорил на языке Христа, со вторыми – на языке науки.

После смерти основоположников во второй половине двадцатого столетия ноосферное миропонимание было существенно подкреплено новыми научными достижениями, раскрывающими взаимосвязь принципиальных этапов эволюции системно организованного мира. Речь идет, прежде всего, об астрофизической теории Большого взрыва и развитии Вселенной, о достижениях теоретической биологии и генной инженерии и о становлении общей науки о человеке, жизни и Вселенной, опирающейся на результаты всеобщей системологии.

Роль всеобщей системологии, дающей единообразную картину многообразия процессов организации и дезорганизации всей пространственной и временной иерархии взаимодействующих открытых, устойчивых и неустойчивых, систем нашего мира, особенно принципиальна. Эта наука изучает логический каркас всего сущего, который формируется путем обмена между открытыми системами субстанциональными элементами трех типов – энергетическими, вещественными и информационными. Всеобщая системология сомасштабна по охвату философской диалектике и математике, сохраняет в себе гибкость первой и конструктивность второй и превосходит по универсальности и ту, и другую. Последнее следует из того факта, что законы диалектики описывают в основном наиболее типичные ситуации действительности, акцентируют внимание лишь на процессах развития

и не превратились в совокупности ни в «Логика с большой буквы», ни в «диалектику природы», а математические теории в соответствии с законами формальной логики справедливы только для закрытых систем, являющихся лишь специальным частным случаем открытых.

Пионерскую роль в становлении всеобщей системологии сыграли А. А. Богданов, выпустивший начиная с 1913 года трехтомную «Тектологию. Всеобщую организационную науку», и В. И. Вернадский с его теорией биосферы. Современный вид всеобщая системология приобрела после выхода работ по общей теории систем, кибернетике (теории управления и информатики) и синергетике (теории самоорганизации).

Универсальность всеобщей системологии позволяет с единой точки зрения анализировать организационные процессы формирования добиологической, живой и человеческой природы, учитывая как случайные так и закономерные факторы взаимодействия соответствующих систем и их элементов, а также прогнозировать, с учетом всего вышесказанного, результаты воздействия людей на окружающие их системы и их элементы. При этом отмеченная универсальность используемой единой модели мира и человека позволяет решать задачу их фундаментального преобразования, снимая постепенно существующие ограничения, постулирующие нынешнюю завершенность самой природы человека и его окружения.

Наиболее актуальными первоначальными задачами такого масштаба станет, по-видимому, как это подчеркивали еще С. А. Подолинский и В. И. Вернадский, решение проблем автотрофного питания человека и солнечного энергоснабжения. В перспективе это и проблемы освоения космоса, предсказанного К. Э. Циолковским, включающие защиту Земли от комет и астероидов, и решение проблемы человеческого долгожительства, и разработка мер для нейтрализации солнечного угасания. А в пределе (по предположению Н. Ф. Федорова) решение задач человеческого воскрешения. В век генной инженерии, исследующей проблемы клонирования животных, и изучения бессознательного в психике человека – все это представляется не столь уж фантастическим.

Прогнозирование результатов (пусть с той степенью неопределенности, которую допускает текущее соотношение знаний о случайных и о закономерных факторах) позволяет людям выбирать свои действия, свой путь. Цель, с которой люди сравнивают при выборе поступков соответствующий прогнозируемый результат, тоже выбирается людьми. Здесь – свобода воли. Человек может бороться за жизнь, а может покончить с собой.

По поводу сказанного о выборе поступков и целей необходимо подчеркнуть два принципиальных момента:

1. Выбираемая цель может противоречить «естественным» тенденциям развития организационных процессов, а может этим процессам соответствовать. В первом случае («движение против течения») достижение цели становится проблематичным, во втором («движение по течению»), как правило, цель будет достигнута. Естественная эволюция нашего мира развивается в направлении его высшей организованности. Появление жизни, а затем – человека есть этапы этого развития. Целеполагание, соответствующее этой тенденции, с организационной точки зрения есть выбор конструктивный и положительный. Самосохранение мира, жизни и рода человеческого этой тенденции полностью соответствует.

2. Выбор действия, направленного на достижение результирующим процессом заданной (выбранной до этого) цели, зависит от неопределенности наших знаний. Чем больше неопределенность, тем осторожнее надо действовать: «не уверен – не обгоняй», «семь раз отмерь – один раз отрежь». Но и пассивность наказуема – без опыта нет знаний.

Без процесса проб и ошибок нет движения к цели. Важно помнить, что при ошибках выбора поступков задача решается плохо, а при ошибках выбора цели вообще решается не та задача. Ясно, что цель должна выбираться очень тщательно, а действовать надо осторожно.

Особенно тщательно должна выбираться предельная цель. В качестве такой цели в ноосферном миропонимании принимается, как уже отмечалось, высшая организованность нашего мира, то есть его высшая жизнестойкость, жизненная полнота. Наличие такой предельной цели, к которой должно устремляться планетарное человечество, позволяет называть ноосферное миропонимание религиозным, а необходимость освоения расширяющихся знаний, на которые должен опираться при этом человеческий выбор действий, позволяет называть ноосферное миропонимание просвещенным.

Итак, поиск третьего пути в пространстве всей жизненной полноты приводит к выбору в роли путеводных подкрепляющих друг друга учений активного христианства как религиозного мироощущения и ноосферного миропонимания как просвещенной религии. Эти учения формулируют для человечества близкие по смыслу предельные цели и не отрываются от базы материального производства, с которым неразрывно связано современное общество. Каковы же ближайшие наиболее яркие этапы развития, намечившегося в свете этих учений?

6. На пороге глобального Согласия

Главное сейчас – вырваться из плоскости потребительского экономизма в пространство братского согласия. Каковы здесь перспективы? Надежды на благоприятный ход дела вселяют два проявляющихся все более явно исторических момента:

1 Наличие выталкивающих сил, вызываемых разрушительной работой потребительской парадигмы, углубляющееся понимание необходимости и неизбежности глобальных перемен. К таким выводам приводят общепланетарные социальные и экологические конфликты, сопровождающиеся опасным для человеческого существования насилием. Опыт двадцатого столетия переполнен подобными примерами. Растут ряды футурологов, предсказывающих коренную «переориентацию всей нашей цивилизации». Например, сподвижники «глубинной экологии» А. Нейсс и другие.

2 Расширяющееся осознание того факта, что и международный опыт последних десятилетий, и складывающаяся общность взглядов активного христианства и ноосферного миропонимания приведут постепенно к глобальному Согласию. Это грядущее Согласие скрыто от многих в густом тумане повседневных забот и различающихся текущих ценностей, сильно растворено в потемках зла и безразличия. Но если присмотреться, то можно уже увидеть «свет в конце туннеля».

На чем основывается это оптимистическое предположение?

1) Развитие рыночной цивилизации приобретает глобальные масштабы. Экономические контакты все в большей степени охватывают мир взаимными интересами и соответствующими им правилами сосуществования. Растет прозрачность границ и уменьшается время, необходимое для установления межчеловеческих связей. Разумеется, всему этому сближению существенно способствует рост техники и науки. Но вся эта близость усиливает одновременно и общие болезни и их общие последствия.

Человечество по сути своей на деле становится глобальным, планетарным организмом.

2) Развитие науки приводит к усилению связей не только в хозяйстве, но и в мыслях. Существующий процесс научной дифференциации, эпоха анализа все в большей степени вырастает в новый процесс научной интеграции, в эпоху синтеза. Ноосферное миропонимание, опирающееся на всеобщую системологию, перерастает во всеобщую науку о человеке, жизни и Вселенной. Разнообразие субъективных мироощущений все в большей степени начинает подкрепляться и связываться объективным и общенаучным миропониманием. Такое миропонимание приобретает полноту религиозного мировоззрения и начинает высвечивать с рациональных позиций интуитивные откровения мистических учений, образуя как бы общий конструктивный каркас разных религиозных взглядов, разных мироощущений. В этой связи появляются новые духовные связи между религиозными точками зрения. Эти связи претендуют на объективность, но не насилуют внутреннее содержание отдельных взглядов и соответствующих обычаев. Другими словами, появляется связанный с религиозным миропониманием общий язык. На этом общем языке можно как-то описывать имеющиеся мироощущения и общечеловеческую систему ценностей. И, главное, этот язык можно изучать и на этом языке можно договариваться. Он не только общий, но и широко доступный.

Глобальное человечество обретает свой общий язык.

3) Организационное сворачивание человечества в единый хозяйственный организм и обретение этим организмом общего языка, на котором формулируются общечеловеческие цели и ценности, и есть те важнейшие предпосылки, которые позволяют делать вывод о начавшемся процессе завершения эпохи социогенеза и о приближении новой эпохи – эпохи планетарного человечества, эпохи перехода биосферы в ноосферу, эпохи ноокозмогенеза.

Планетарное человечество начнет объединяться в деле фундаментального повышения жизнестойкости биосферы сначала в глобальном, а затем и в космическом масштабе, обретет свое общечеловеческое дело.

Этот переход и будет прорывом из плоскостного в пространственное мироощущение и миропонимание, переход от парадигмы потребления к парадигме созидания, творчества. Цель и средство у человечества поменяются местами.

4) Не следует считать, что такой переход абсолютно предопределен. Ноосферное понимание роли человечества в происходящих процессах оставляет место и для катастрофического исхода, хотя и полагает его маловероятным. Оптимизм ноосферного миропонимания в надежде на победу человеческого разума. И процессам человеческого сплочения и солидарности в творчестве необходимо всячески содействовать. С этой точки зрения нет ничего более разумного в помощи разуму, чем его просвещение. Отсюда, в дополнение к лозунгам свободы, равенства и братства, определяющих пространство всей жизненной полноты, в котором должен описываться путь развития глобального человечества, следует добавить принципы сегодняшнего поиска третьего пути – ненасилие (об этом много говорилось выше), преемственность (как прямое следствие ненасилия) и просвещение.

Задача самого широкого общего образования в духе ноосферного миропонимания должна стать главным катализатором назревающего культурного переворота, средством создания той духовной атмосферы, которая в максимальной степени предохранит человечество от возможного катастрофического исхода. Доступность системологических представлений такую популяризацию допускает. Союз с основными религиями мира стал бы огромным подспорьем успеху.

В неукоснительном следовании перечисленным принципам залог плодотворного глобального формирования солидарного человечества, важнейшей изначальной вехи

искомого третьего пути. Солидарного человечества, объединенного в творчестве новой жизни, «новой земли и нового неба», солидарного человечества, в котором, наряду с двумя существующими нравственными мирами ценностей – семьи и рыночной цивилизации, появляется все расширяющийся, углубляющийся и постепенно охватывающий два первых мира третий нравственный мир, мир глобального сотворчества в космическом строительстве. Тот нравственный мир «со всеми и для всех», когда максимальный личный успех становится не поводом зависти или размышлений о справедливости, а поводом для уважения и благодарности. Как к учителям и к целителям. И поводом, мотивом к деятельности станет не ожидание потребительского удовольствия, а радость достижения этого успеха.

Это, конечно, долгий путь, на котором государственно-правовые сдержки зла лишь постепенно смогут уступить свое место добровольному, искреннему согласию. Но это путь, а не тупик. Тупик пессимистической обреченности и бесперспективного топтания.

Такова динамическая иерархия становящейся системы общечеловеческих ценностей.

Такова, в целом, полнота искомого третьего пути. Пути планетарного хозяйственного организма, его общечеловеческого языка, его динамической иерархии общечеловеческих ценностей и его общечеловеческого дела, глобального и космического сотворчества. Пути коренной переориентации всей нашей цивилизации.

В. Ф. Пряхин

УЧЕНИЕ Н. Ф. ФЕДОРОВА КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Наступило время, когда федоровское учение об «Общем деле» мирового сообщества представляется не как любопытная и малопригодная альтернатива, но как абсолютный императив для выживания человечества.

Свидетельство тому само обилие глобальных проблем и вызовов, с которыми столкнулась земная цивилизация на рубеже Третьего тысячелетия от Рождества Христова. В век безудержного и бездумного научно-технического прогресса, не подкрепляемого адекватным распространением нравственности, любая частная техническая или социальная проблема становится глобальной. Но к наиболее известным следует отнести следующие глобальные вызовы:

- проблема международного терроризма;
- проблема нераспространения оружия массового уничтожения (ядерного, химического, биологического);
- проблема социального неравенства (обогащение «золотого миллиарда» на фоне деградации остальных пяти миллиардов населения Земли);
- проблема эпидемического распространения потенциально неизлечимых вирусных инфекций;
- проблема истощения природных энергоносителей и сырья:
- дефицит питьевой воды;
- дефицит продовольствия;
- разрушение окружающей среды (экологическая проблема);
- деградация общественной нравственности и морали (этологическая проблема);

- глобальное потепление климата;
- всеобщая криминализация и демонтаж государственности.

Список этих проблем растет, но не приходит свойственное Федорову понимание того, что главная проблема – внутри самого человека.

Нет идеи. Нет осознания единства, общности; нет объединяющего Общего дела. Нет осознания истины, сказанной Федоровым с гениальной простотой – наше тело должно быть нашим делом (I, 82)..

Но истина потому и истина, что ее нельзя обойти. Она все равно даст о себе знать, заставит задуматься, найти выход и выжить. Или погибнуть, не найдя выхода.

Наличие этой последней пессимистической альтернативы реально доказано выдающимся ученым Энрико Ферми, поставившим задачу на выживание в общем космогоническом виде.

Из не опровергнутой до сих пор в научном плане презумпции отсутствия каких-либо доказуемых контактов человечества с внеземными цивилизациями Ферми еще в 1950 г. сделал вывод фундаментальной научной значимости: либо земная цивилизация – единственная во Вселенной, либо всякая цивилизация достаточно развитая, чтобы вступить в коммуникацию с другой планетой, обречена на самоуничтожение¹.

Гипотеза Ферми впоследствии получила развитие в работах американского астрофизика немецкого происхождения Себастьяна фон Хорнера. Наше внимание к ней привлек академик Б. В. Раушенбах, сославшийся в свою очередь на эстонского советского ученого Густава Наана. В отечественной науке этой гипотезой серьезно и плодотворно занимался также выдающийся отечественный астрофизик и мыслитель И. С. Шкловский, которому «сама по себе идея, что время существования технически развитой цивилизации ограничено», представлялась «вполне разумной»².

Шкловский добавлял при этом, что земляне, видимо, не так уж далеки от этого техногенного «дня Х», так как по некоторым показателям они вплотную приблизились к физическим пределам некоторых параметров своей жизнедеятельности³.

При подходе к мировому историческому процессу как к комплексной динамической саморегулирующейся системе доминирующим признаком второй половины XX века представляется резкое ускорение темпа изменения основных параметров социально-экономического развития. Более девяноста процентов объема информации, составляющего научные знания, например, накоплено в период с начала XX века⁴. Практически это означает, что человек конца XX столетия отличался от человека конца XIX века значительно больше, чем последний от неандертальца.

Аналогичные тенденции характерны и для других основных параметров человеческой деятельности. В фундаментальном исследовании этой проблемы, в книге Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», приводится таблица 1, в соответствии с которой некоторые важные параметры цивилизации «довольно близки к физическим пределам».

Причем приближение произошло в последние сто лет (начиная примерно с середины XIX века), в ходе которых скорость общения увеличилась в 10 в 7-й степени, скорость передвижения – в 10 во 2-й степени, мощность источников энергии – в 10 в 8-й степени, мощность вооружений – в 10 в 6-й степени, скорость анализа данных – в 10 в 6-й степени раз⁵.

Совокупным показателем ускоряющихся процессов мирового развития и одновременно его негативных составляющих является динамика *численности населения* Земли, приводимая в таблице 2 (см. приложение). Из прилагаемого к этой таблице графика

видно как период равномерных количественных изменений периода с 16 по начало 20 века сменяется периодом экспоненциального роста населения, причем в последней четверти века линия графика начинает подниматься вверх практически вертикально.

Заметим, что со времени приведенного выше астрофизического анализа И. С. Шкловским глобального исторического процесса к перечню объективных пределов совершенствования в различных аспектах человеческой деятельности добавилась медицина (см. таблицу 1). С легализацией в августе 2000 г. применения техники биологического копирования (клонирования) живых организмов для медицинских целей обозначилась пока еще достаточно далекая, но реальная перспектива лечения... от смерти методами заместительной терапии. Как заметил один из британских специалистов в области генной инженерии доктор П. Диксон, создание идентичных биологических двойников для каждого человека возможно раньше, чем мы полагаем⁶. Это означает дальнейшее ускорение темпов прироста численности населения Земли со всеми вытекающими последствиями.

Бурно протекающие демографические процессы отражают полную неспособность международного сообщества контролировать свое движение по гибельному пути, ведущему к истощению природных ресурсов и деградации.

Значит ли это, что цивилизация обречена на самоуничтожение?

Нет. Международное сообщество вполне в состоянии – пока не поздно – объединить свои усилия для того, чтобы противостоять хаосу энтропии. Доказать, что второй закон термодинамики (закон всеобщей хаотизации) не применим к социальным и духовным системам.

Существует и реальная система международных организаций (межправительственных и неправительственных), которые располагают реальной властью и влиянием для того чтобы противостоять хаосу глобальной децентрализации власти и глобальным вызовам современности.

Чего же не хватает? Нет всеобщей общечеловеческой идеологии. Нет «Общего дела», которое объединяло бы людей. На фоне безудержного потребительства нет любви отцов к детям, нет любви детей к отцам. Нет религии в понимании Федорова, который писал: «Истинная религия одна, это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца, неотделимых от Бога Триединого и несливаемых с Ним, в Коем обожествлена неотделимость сынов и дочерей от отцов и неслиянность их с ними» (I, 71).

Суть глобальных проблем современности заключается в том, что научно-технический прогресс движется быстрее, чем человек успевает осмысливать его. Как сказал Альберт Эйнштейн, расколоть ядро атома оказалось проще, чем преодолеть предрассудки в сознании людей.

Суть федоровского учения заключается в том, что, обогнав на сто лет свое время, великий русский мыслитель начертал дизайн научно-технического прогресса, обозначив его человеческое предназначение – нахождение материалистических эквивалентов религиозных понятий *бессмертия* и *воскрешения* как решение задач прикладной науки.

Федоровская идея как никакая другая подходит для общечеловеческой идеологии спасения на рубеже веков и на краю технологической бездны. Она объединяет веру и знание, религию и науку, культуру и народ. Она трактует христианские идеалы бессмертия и воскрешения как ориентиры для развития практической прикладной науки. И в этом их сила.

Федоровские идеи глубоко русские по происхождению. Но они интернациональны. Отзвуки федоровских идей имеются во многих мировых цивилизациях и культурах. Культ предков является основой древнейшей китайской культуры. Федоровское определение

религии созвучно традиционному японскому пониманию религии как синто. Ноосферная мысль французского гениального философа Пьера Тейяра де Шардена перекликается со многими идеями и интуициями русского пророка всеобщего дела.

В слиянии науки и религии, присутствующем красной нитью в учении Федорова, видел смысл существования Индии Джавахарлал Неру. Та же самая мысль присутствует и в новой религиозной конфессии, весьма быстро распространяющейся в современном мире – ба хаи. «Человечество, — гласит четвертый постулат бахаизма, — так же, как птица, имеет два крыла, одно из них Религия, другое — Наука. Если оно захочет подняться при помощи одной Религии, оно опустится в бездну суеверия; если же оно будет пытаться взлететь лишь при помощи Науки, то закончит свой полет в стоячем болоте материализма. Когда Религия, очищенная от всех суеверий, традиций и догм, придет к согласию с Наукой, тогда в мире настанет великое объединение. Человечество соединится в одно, благодаря Силе Любви Бога»⁷.

6. К Федорову в полной мере относится известная истина «Нет пророка в своем отечестве». Россия перенесла столько социальных потрясений. Но клеймо «мистика», повешенное на него вульгарными материалистами с одной стороны, и «еретика» – религиозными догматиками – с другой, до сих пор отделяет его железным занавесом от общественного мнения и от широкой аудитории, которой он так нужен. В последнем издании Большого академического словаря по отношению к Федорову вновь повторено определение «утопист», девальвирующее идеи великого философа. Между тем тот же самый обыватель, который не видит в Федорове великого дизайнера научного и нравственного восхождения человека и человечества с лакейским подобострастным трепетом читает в «Российской газете» о том, что в Америке прогнозируется на 2043 год воскрешение умершего. Воистину нет пророка в своем Отечестве.

7. У меня есть полное представление о том, как можно адаптировать федоровский проект «Общего дела» к нашему времени. У меня есть представление о том, что нужно сделать для того, чтобы федоровская идея воплотилась в конкретные дела, приносила людям пользу, объединяла их вокруг общего дела и делала бы просто бессмысленными как стяжательство богачей, так и безумные террористические акты из мести к ним со стороны бедняков.

Но странным образом в стране, где 30 миллионов долларов в год тратится на содержание одной второразрядной футбольной команды, где только одна политическая партия готова израсходовать полмиллиарда долларов на избирательную кампанию, нет минимальной суммы для того, чтобы профинансировать изложение моего проекта на бумаге.

Воистину если Бог хочет кого наказать, то лишает его разума. Человечество, если верить Энрико Ферми, достигнув возраста технологической зрелости, готово коллективно отправиться в ад монолитной толпой озверевших футбольных фанатов.

Но я верю, что правда федоровского учения возобладает над хаосом и тленом. Регуляция и патрофикация воплотятся в конкретные рациональные проекты Общего дела. Осуществив его человечество не погибнет, но выйдет на новый виток спирали в бесконечном движении разума в космосе.

Примечания

¹ Даллакруза Дж. В поисках внеземных цивилизаций // Америка. 1989. № 396. С. 40.

² Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. М., 1976. С. 257.

³ Там же.

- ⁴ См.: *Фролов И.Т., Маруа М.* Хрукость жизни // Новое время. 11 декабря 1987. № 50. С. 40.
 Вселенная, жизнь, разум. - М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1976,
 257.
- ⁵ *Шкловский И.С.* Вселенная, жизнь, разум. С. 257.
- ⁶ *Скосырев В.* Овцеклетка. В Британии «скопирована» взрослая овца // Известия. 26 февраля 1997 г.
 № 37.
- ⁷ Навстречу Новому веку // Edition of Bureau International Bahai. 29, route de Malagnou. Geneve, Suisse.
 P. 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Таблица 1.

Научно-технический прогресс и пределы технологического развития (Таблица Плятта – Шкловского – Пряхина)

Параметр	Увеличение за 100 лет (дата публикации – 1960 г.)	Физический предел
Скорость общения	7 в 10 раз	Скорость света
Скорость передвижения	2 10 раз	Орбитальная скорость
Мощность источников энергии	8 10 раз	Изменение климата
Мощность оружия	6 10 раз	Уничтожение человечества
Скорость анализа данных	6 10 раз	Скорость света
Эффективность фундаментальной медицины*	Качественный скачок	Искусственное увеличение продолжительности жизни людей

Источники: *Шкловский И.С.*, Вселенная, жизнь, разум. М., 1976; *Пряхин В.Ф.* Место проблемы искусственного увеличения видовой продолжительности жизни в марксистской классификации наук. // Искусственное увеличение видовой продолжительности жизни: 2-й симпозиум. М., 8–10 декабря 1980. С. 43–44.

* Этот параметр добавлен нами с учетом новых данных, появившихся спустя четверть века после публикации книги Шкловского на основе нашего понимания общей логики мышления автора.

Таблица 2.
Динамика численности населения Земли

Годы	в млрд. человек
Середина XVI века	0,5
1804	1,0
1927	2,0
1960	3,0
1974	4,0
1987	5,0
1997	5,84
1999	6,0
2010	6,9
2025	8,0
2050	9,4
2100	12 – 13

Источник: О некоторых аспектах взаимосвязи демографии и миграции населения (Справочная информация). Сообщение Федеральной миграционной службы Российской Федерации. Информационный бюллетень Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации, 22 августа 2000 г.

И. В. Вишев

Н. Ф. ФЕДОРОВ КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАКТИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В истории русской философской мысли есть выдающиеся творческие личности, идеи которых раскрывают свой глубинный и могучий потенциал лишь со временем — по мере научно-технического и социального прогресса. К ним, вне всякого сомнения, принадлежит Николай Федорович Федоров — творец философии общего дела. Как никто другой, он впервые наиболее радикальным образом поставил вопрос о борьбе со смертью, ее предотвращении, победе над ней, причем не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, т.е. над уже свершившейся смертью. Им было высказано и немало других ценнейших мыслей, значимость которых не только сохранилась вплоть до нашего времени, но и в огромной степени продолжает приумножаться.

Федоровский проект абсолютным большинством тех, кому доводилось с ним ознакомиться, воспринимался и расценивался как сугубо фантастический и утопический, будто бы ничего общего не имеющий с реальными задачами научного познания и совершенствования человека и его мира. Особенно в этом усердствовали те, кто усмотрел в Федорове лишь православного богослова, хотя и не принадлежавшего к официальной церковной иерархии, а в его философии общего дела — только богословское учение¹, пытаясь на этом и других подобных основаниях всячески их дискредитировать². Столь односторонне негативная, искажающая суть дела, оценка и самого Федорова, и его учения крайне затруднила их адекватное, позитивное восприятие, приобщение к ним, нанеся тем самым серьезный ущерб решению реальной задачи борьбы со смертью.

В действительности же, Федоров — оригинальный и дерзновенный русский мыслитель, открывший перед человечеством принципиально новые горизонты. Он не обгонял своего времени, что в принципе невозможно. В этом «обвиняют» и Федорова, и других корифеев человечества лишь те, кто подобным образом пытается самооправдаться, мол, это он забежал вперед, а не мы отстали от времени и не поняли его. Между тем именно Федоров первым из всех прочувствовал, осознал и выразил только-только зарождавшееся принципиально новое умонастроение, основанное на неприятии смерти, признании необходимости борьбы с ней. Уверенность в достижимости данной цели все более крепла под влиянием успехов развития науки и техники XIX столетия, в частности экспериментов по искусственному вызыванию дождя и т.п. Если такого рода эксперименты и успехи имели для кого-то лишь самодовлеющее, локальное значение, хотя и на самом деле исключительно значимые, то Федоров увидел в них нечто несравненно более глубокое и важное, открывающее принципиально новые возможности прогресса, в конечном счете возможность победы над главным врагом человека — его смертью.

С точки зрения концепции практического бессмертия человека философия общего дела Федорова исключительно ценна сегодня прежде всего тремя его идеями: воскрешения уже ушедших поколений, отрицания смертности как сущностной характеристики человека и регуляции стихийных природных процессов, опирающейся на успехи развития науки и техники, особенно в будущем. Разумеется, есть и другие, заслуживающие всяческого внимания, одобрения и поддержки, но те, что перечислены, — главные.

Действительно, на протяжении многих и долгих тысячелетий, вплоть до настоящего времени, люди жили и продолжают жить в абсолютном своем большинстве со скорбным убеждением, что человек смертен (по воле ли богов или одного бога, либо в силу непреложных законов природы), что такова его сущность, и иначе быть не может. Другими словами, понятие «смертный» стало синонимом понятию «человек», смертность считается его атрибутом, т.е. неотъемлемым свойством, человек не смертный — это уже вроде бы вовсе и не человек, а бог или что-то в том же роде. Между тем именно Федоров впервые со всей определенностью и резкостью охарактеризовал сложившееся положение вещей, с особой силой подчеркнув, что «смерть есть следствие зависимости от слепой силы природы, извне и внутри нас действующей и нами не управляемой» (I, 250). И он с сожалением констатирует, что эту зависимость не просто признают, но, главное, подчиняются ей.

Нельзя не привести в этой связи и такой еще один горький его вывод, который имел еще большее значение. «Смертность, — сетовал Федоров, — сделалась всеобщим органическим пороком, уродством, которое мы уже не замечаем, и не считаем ни за порок, ни за уродство» (I, 250–251). Такого рода притупленное отношение людей к смерти как к неизбежному злу разоружало их в борьбе с ней, особенно естественной смертью. И как раз

огромная заслуга Федорова заключалась в том, что этот замечательный русский мыслитель решительно и мужественно восстал против подобного многотысячелетнего смирения перед трагизмом фатального финала индивидуального человеческого бытия. Осознание смерти как «порока» и «уродства» становилось мощным импульсом противодействия ей.

Федорова волновал не только и не столько гуманизм, провозглашающий лишь человека как индивида и личность, сколько такой, который непременно предполагает найти реальные пути и средства, чтобы этот индивид, эта личность могли бы обеспечить свою неограниченно долгую жизнь. Такое решение проблемы не на словах, а на деле сохранило бы и утвердило их непреходящую уникальность и подлинную самоценность. В противном случае все разговоры на эту тему оборачиваются лицемерием, ибо на деле человеческая жизнь была и остается мелкой разменной монетой в экономических, политических, национальных, криминальных и прочих «разборках». Такие взаимоотношения между людьми и государствами становятся все более нетерпимыми и недопустимыми. И именно Федоров понял это более столетия тому назад.

Автор философии общего дела мудро и вполне справедливо разъяснял: «Сама природа в человеке создала зло смерти, создала свое несовершенство» (II, 228). При этом он исходил из глубокого убеждения, что реальность зла, смерти, связана именно с действием слепых сил природы, но нет, полагал он, радикального зла, онтологической злой воли. Федоров был убежден, что зло — это недостаток, несовершенство мира, но не одна из неустранимых первооснов бытия. Он особо подчеркивал, что противодействие злу — это, по существу, борьба против случайности, иррациональности, слепоты, падения; более того, превращение вселенной в целесообразный, сознательный, антиэнтропийный мир. Такой взгляд, высказанный еще на рубеже XIX и XX столетий, без сомнения, созвучен современному стилю именно научного мышления, о чем свидетельствует развитие синергетики, неравновесной обобщенной термодинамики и многих других направлений современной науки.

Одним из центральных положений философии общего дела можно считать то, которое поистине знаменует поворот от смертнической парадигмы к бессмертнической. «Смерть, — утверждал Федоров, — есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть» (I, 289). Иначе говоря, человек, перестав быть смертным и став бессмертным, останется человеком. Данное суждение, действительно, имеет принципиальное и исключительно конструктивное значение. Речь в этом контексте идет именно о неатрибутивном характере смертности человека. Его смертность — это лишь преходящее свойство, преходящее состояние, которое в принципе может быть устранено, если будут найдены действенные пути и средства противодействия причинам, их порождающим, возникшим в ходе стихийной эволюции природы. Объективистскому, пассивному эволюционизму Федоров противопоставил активно-эволюционистский подход к решению проблемы жизни, смерти и бессмертия человека. В этой связи С. Г. Семенова и А. Г. Гачева справедливо отмечают: «Среди русских, да, пожалуй, и мировых философов Н. Ф. Федоров (1829–1903) самым дерзновенным, но главное, практическим образом поставил проблему превращения человека смертного в его активно-эволюционном возрастании к новому, высшему типу в ч е л о в е к а б е с с м е р т н о г о»³. А несколько ниже они подчеркивают, что «он был автором учения, обосновавшего новое эволюционное представление о человеке и его задаче во Вселенной»⁴. Это стало отличительной чертой именно федоровской позиции.

Философия общего дела Федорова называется так потому, что именно в противостоянии смерти, в том числе и особенно через воскрешение уже ушедших

поколений, в чем состоит, по его убеждению, долг сынов перед отцами, он усматривал бесспорное основание для единения человечества, поскольку в победе над смертью заинтересованы все люди без всякого исключения. Но как раз идея воскрешения представлялась и многим продолжает представляться особенно одиозной, которая, казалось бы, не может не вызывать решительного неприятия. Между тем научные открытия самого последнего времени, главным образом в области биологии и медицины, раскрыли удивительную проницательность и подлинную реалистичность федоровского учения. К числу таких открытий в первую очередь и можно, и нужно отнести клонирование человека, телемерную терапию, регенерацию стволовых клеток, расшифровку человеческого генома, нанотехнологию и многое другое. Возникающие в связи с этим самые различные проблемы, которые многих еще отпугивают, дезориентируют и просто сбивают с толку, будут, несомненно, раньше или позже тоже разрешены, ибо сегодняшнее слово науки — отнюдь далеко еще не последнее ее слово.

Федоров, как и любой другой мыслитель, естественно, был сыном своего времени. И на его учении тоже лежит своя печать исторической ограниченности, отражение противоречий эпохи. И далеко не просто бывает отделить «зерна» от «плевел». А в таком случае возникает опасность с последними выбросить первые. К сожалению, критики философии общего дела Федорова нередко как раз так и поступают.

Федоров писал, что «для своего осуществления естественное дело, т. е. воскрешение, требует двух объединений, — объединение внешнего, которое может совершиться через самодержавие, и внутреннего чрез православие; и это будет объединением всех разумных средств в деле познания неразумной силы, которая, рождая, умерщвляет, и управления ею, неразумною силою, ими, разумными существами («сынами»)» (I, 390). И. Т. Фролов не приемлет такого поворота мысли. Но ведь не все так просто, как может показаться.

Да, большинство наших современников, несомненно, не является приверженцами ни самодержавия, ни православия. Однако никто не принуждает нас принимать взгляды наших предшественников по принципу: либо все, либо ничего. Разве решение проблемы бессмертия, воскрешения, освоения ближнего и дальнего космоса без признания самодержавия и православия утрачивает свой смысл? Разве, например, при республиканском правлении это заведомо исключено? Конечно, нет! Иначе вообще прогресс стал бы невозможным. Так что суть дела, скорее, как раз в том, что разговоры и о самодержавии, и о православии, и о прочем — это только своего рода зацепка, лишь внешний повод, чтобы отвергнуть, похоронить суть проблемы, главное. Но при всем том нельзя не признать тот факт, что самым первым или одним из первых поставил такие проблемы, как воскрешение ушедших поколений, достижение реального бессмертия, освоение космического пространства и многие другие все-таки именно Федоров. И этот факт, естественно, никак не следует недооценивать. Вряд ли неверным будет утверждение, что, как бы там ни было, заслуга Федорова в постановке рассматриваемых проблем несомненна и исключительна, а все остальное преходяще и не существенно.

Ради «полноты» своей картины Фролов подвергает критике и ряд других моментов философии общего дела. Ее автору вменяется в вину идея о необходимости глубокой перестройки человеческой природы, однако не означающей изменения самой сущности человека, чтобы тем самым он стал больше самим собой, а также мысль о том, что конечной целью жизни разумных существ является не что иное, как стать начальной причиной самих себя, уподобившись тем самым «первоначальной причине, Божественной Первопричине» (II, 78). Фролов полагает (и, надо согласиться, не без основания), что

разрабатываемые сегодня идеи такого рода требуют во многом иных ориентиров, нежели те, которые предлагает философия общего дела.

Так, например, он не приемлет следующий «ориентир», предлагаемый Федоровым. «Жизнь есть добро, смерть есть зло, — утверждал русский мыслитель. — Возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла» (II, 136). А затем в связи с этим Федоровым делается такое уточнение: «Воссоздание из земли всех умерших, освобождение их от власти земли и подчинение всех земель и всех миров воскрешенным поколениям — вот высшая задача человечества, его высший долг и, вместе с тем, — высшее благо» (II, 136). Такова была точка зрения автора философии общего дела на один из важнейших ее аспектов, или, точнее, ее суть.

Как раз по поводу этих утверждений реакцию Фролова трудно посчитать адекватной. «Такое понимание высшей задачи, долга и блага, — полагает он, — вряд ли может вдохновить человечество, так как это понимание построено на абсурдных посылах»⁵. Правда, брошенное им «вряд ли» как бы смягчает несколько явную некорректность этого суждения, однако очевидно, не меняет существа его отношения к федоровскому проекту.

Кроме того, с точки зрения Фролова, для все той же объективности оценки философии общего дела нужно будто бы обратить внимание и на мысль ее автора о необходимости «замены» вопроса о бедности и богатстве другим вопросом — о смерти и жизни⁶. Подобное «предложение» Федоровым, действительно, высказывалось (I, 390–391), и назвать его удачным, разумеется, конечно, затруднительно. В самом деле, при соответствующей предвзятости и очень большом желании в нем, разумеется, можно усмотреть как бы недооценку или даже просто пренебрежение столь важной социальной проблемой, как бедность и богатство. Однако у этого русского мыслителя, по существу, речь идет, в принципе, о другом. «Что ценнее, — вопрошал он в этой связи, — золото ли, являющееся источником взаимного истребления, или же прах отцов как цель соединения сынов» (I, 390). И далее делал такое уточнение: «Что нужно выдвинуть вперед — решение ли вопроса о богатстве и бедности (вопрос социальный) или же решение вопроса о жизни и смерти (вопрос естественный)». И еще одно: «Что важнее — общественные ли бедствия (т. е. пауперизм искусственный) или же бедствия общие природные (пауперизм естественный)» (I, 390). Так что на самом деле Федоров имеет в виду не замену одного вопроса другим, а значимость, приоритетность вопроса о жизни и смерти по сравнению с вопросом о бедности и богатстве. Несравненно хуже, когда вопрос о бедности и богатстве, как это происходит, например, у Фролова, вообще исключает вопрос о достижимости личного бессмертия.

Обоснованность вывода о том, что в философии общего дела речь идет лишь о приоритете вопроса о жизни, смерти и бессмертии человека по отношению ко всем иным, в том числе, естественно, и относительно недопустимости поляризации на бедных и богатых, подтверждается и рядом других высказываний Федорова. «Вопрос о богатстве и бедности, — не без основания считал он, — отождествляется, конечно, с вопросом о всеобщем счастье, невозможном при существовании смерти; вопрос же о смерти и жизни должно отождествить с вопросом о полном и всеобщем спасении вместо спасения неполного и невсеобщего, при коем одни (грешники) осуждаются на вечные муки, а другие (праведники) — на вечное созерцание этих мук» (I, 391). А затем им дается очень важное разъяснение. «Замена вопроса о бедности и богатстве вопросом о смерти и жизни, — уточняет Федоров, — не исключает, однако, из последнего вопроса о сытости, т. е. о насущном, или необходимо нужном, ибо вопрос о богатстве как излишестве и бедности как недостатках и лишениях, ведущих к смерти, входит в вопрос о смерти, вопрос же о сытости как условии

труда и жизни и есть вопрос о жизни, вопрос о поддержании жизни в еще живущих и о возвращении жизни уже потерявшим ее, вопрос санитарно-продовольственный». Таким образом, вряд ли после столь ясно выраженной мысли у кого-то может остаться или появиться желание предъявлять Федорову претензии, по крайней мере, по данному вопросу, несмотря даже на не совсем привычную терминологию и возможные уточнения.

Вместе с тем приведенные высказывания мыслителя-гуманиста ставят также немало действительно острых и принципиально важных проблем. К ним, несомненно, принадлежит его мысль о безнравственном, по сути дела, созерцании, согласно христианскому вероучению, праведниками, оказавшимися в раю, вечных адских мучений грешников, имя которым — легион. Это, пожалуй, еще одна иллюстрация несущественности религиозной составляющей философии общего дела, которая оказывается в противоречии с ортодоксальным православием, еще и еще раз проявляя свою «еретичность». В контексте философии общего дела со всем этим органически связана замечательная по своей сути и принципиально важная идея, не раз высказывавшаяся Федоровым, о всеобщности бессмертия и всеобщности счастья (II, 201). Данный подход однозначно исключает какую бы то ни было элитарно-классовую узурпацию свойства бессмертия, утверждает общегуманистический смысл постановки и решения данной проблемы.

И наконец, еще один вопрос, не менее, если не более важный, во всяком случае, один из итоговых. «У Федорова, — считает В. П. Пазилова, еще один критик его учения, — весьма сложное отношение к “прогрессу”»⁷. И далее она так уточняет свою точку зрения. «Он отвергает наличие прогресса в истории общества по моральным соображениям: Федоров понимает под прогрессом “превосходство младших над старшими и живущих над умершими, ученика над учителем, студента над профессором”. А такое “мнимое превосходство” подрывает концепцию патрофикации»⁸. Но почему же, спрашивается, — «мнимое»? Разве, и в самом деле, младшие сегодня, повзрослев завтра, не обойдут по историческому возрасту нынешних старших? И разве ученик, студент, выучившись и продолжая жить в потоке времени, не превзойдут опять-таки своего нынешнего учителя или профессора? А разве живущие сейчас не умрут в конце концов и не освободят «место под солнцем» для новых живых, которые со временем тоже «уйдут»?

Все дело в том, что философское учение Федорова, действительно, вошло в прямое противоречие с обычным, традиционным, привычным пониманием прогресса, которое как раз предполагает неизбежность и даже обязательность, безусловную оправданность смены поколений, а значит торжества смерти над жизнью. К тому же сам прогресс сводится, в основном и преимущественно, к совершенствованию техники и технологии, улучшению общественных отношений, приращению знаний людей о мире и о самих себе. В таком понимании прогресса, разумеется, есть немалый смысл и в нем как бы заключается ответ на вопрос — ради чего все это. Однако ничто не исключает самое главное зло — смерть. И потому не может не мучить острая неудовлетворенность таким механизмом прогресса. На нем обычно как бы не фиксируется внимание, поскольку он представляется чем-то само собой разумеющимся и совершенно безальтернативным. С этой точки зрения, каждое очередное поколение, внося свою определенную лепту в такой прогресс, вынуждено, прежде всего вследствие природной, биологической необходимости, уходить с исторической арены. Каждое из них оказывается лишь в весьма относительной степени способным воспользоваться уже достигнутыми результатами прогресса, но уж ни в коей мере его будущими достижениями. Разумеется, определенное значение и ценность такого

«призвания» каждого поколения вполне очевидны. Однако не отпускает вопрос: не слишком ли и то, и другое ограничено, печально и трагично в качестве цели человечества?

Как бы там ни было, центральная идея философии общего дела о воскрешении всех поколений и достижении бессмертия людей оказывалась принципиально несовместимой с общепринятым представлением о прогрессе и требовала нового его понимания, включая механизм прогресса, а именно — без обязательности смены поколений, а значит, и без обязательности смерти. При этом рост численности человечества не исключается, а наоборот, предполагается, ибо он все более необходим для решения не только земных, но и космических проблем, в том числе освоения космоса и расселения в нем с целью безопасности человеческого разума, несравненно более полного использования солнечной энергии и необходимости решения других задач. Иными словами, Федоров, по существу, предложил заменить смертническую модель прогресса его бессмертнической моделью. В этом его несомненная и огромная заслуга. Это очень важно понять и принять — прогресс может и должен также предполагать и победу над смертью.

И рассмотренные здесь федоровские идеи, и многие другие, безусловно ценные и становящиеся все более актуальными, органично восприняла современная концепция практического бессмертия человека. Пользуясь случаем, необходимо еще раз дать следующее разъяснение. Понятие «бессмертие» обычно воспринимается и толкуется в его абсолютном смысле — как то, что в принципе исключает смерть, как ее принципиальная невозможность наподобие бессмертия души, которую, с точки зрения целого ряда приверженцев религии, будто бы не может уничтожить даже всемогущий бог, что породило принципиальные расхождения между различными христианскими верованиями. Примечательно, что сам Федоров «вообще избегает выражение “бессмертная душа”»⁹. Поскольку такое бессмертие заведомо недостижимо, то оно, естественно, с порога отвергается, и вполне справедливо. Однако совершенно неправомерно на этом основании отвергать и понятие «практическое бессмертие», ибо оно имеет принципиально иной смысл. Это понятие обозначает биологически и социально обусловленную способность человека к настолько долгой жизни, неограниченной никаким видовым лимитом, когда можно будет сказать: он стал практически бессмертным.

Такое понимание, с одной стороны, означает отсутствие в человеке имманентного основания для его фатально приближающейся смерти, как это сегодня происходит, а с другой, — не исключает ее возможность вследствие тех или иных внешних причин (неожиданной травмы, неизвестной болезни, космической катастрофы и т. п.). Необходимо также при этом учитывать, что достижение беспредельной (в указанном смысле) длительности индивидуального бытия человеческой личности предполагает непереносное сохранение здоровья человека и его молодости, точнее — оптимальных параметров телесной и духовной жизнедеятельности, которые достигаются в разные периоды онтогенеза. Иными словами, тем самым будет обеспечена свобода человека для выбора им между старостью и молодостью, между жизнью и смертью, ибо сегодня он не свободен перед лицом старения и трагического финала своей экзистенции. Такое положение вещей нетерпимо для человека как существа разумного, по самому существу дела, и потому не должно быть примирения с нынешней фатальностью естественной смерти ни в коем случае.

Идея практического бессмертия является системообразующей, которая объединяет в целостный предмет рассмотрения философско-социальные, естественнонаучные, технологические, нравственно-гуманистические, ценностные и другие ее аспекты¹⁰. Об актуальности рассматриваемой темы свидетельствует, например, тот, несомненно, отрадный факт, что в Программу и Третьего Российского философского конгресса¹¹, и XXI

Всемирного философского конгресса был впервые включен Круглый стол «Жизнь, смерть, бессмертие». Кроме того, в Энциклопедии «Глобалистика» (и в русском, и в английском вариантах) опубликованы такие статьи, как «Иммортология» — наука о бессмертии¹², «Ювенология» — наука о способах сохранения и возвращения молодости¹³ и др.

Дерзновенные и гуманистические идеи творца философии общего дела Николая Федоровича Федорова живут и развиваются.

Примечания

¹ Пазилова В.П. Критический анализ религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 125.

² Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М., 1989. С. 515.

³ Семенова С.Г., Гачева А.Г. Проект человека бессмертного в мысли Н.Ф. Федорова // Проблемы иммортологии: Книга 3. Проблема человеческого бессмертия в русской философии: значимость естественнонаучного и научно-технического обоснования подходов и решений / Научный редактор И.В. Вишев. Челябинск: ЧГТУ, 1996. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. С. 516.

⁶ Там же. С. 515.

⁷ Пазилова В.П. Критический анализ религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова. С. 82.

⁸ Там же.

⁹ Семенова С.Г., Гачева А.Г. Проект человека бессмертного в мысли Н.Ф. Федорова // Проблемы иммортологии: Книга 3. Проблема человеческого бессмертия в русской философии: значимость естественнонаучного и научно-технического обоснования подходов и решений. С. 45.

¹⁰ Балашиов Л.Е. Практическая философия. М., 2001; Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002.

¹¹ Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.): В 3 т. Т.2. Ростов-на-Дону, 2002.

¹² Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 362–363.

¹³ Там же. С. 1286.

Ю. И. Пичугин, И. В. Артюхов

КРИОНИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДОРОВСКИХ ИДЕЙ

Николай Федорович Федоров писал: «И науке нужно будет <...> сделать выбор между выставкой и кладбищем, между комфортом и призывом всех к труду познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, к труду обращения ее в живоносную. Останется ли дом ученых <...> пуст, как они сами то предсказывают, или же они найдут свое сокровище на кладбищах?» (I, 73).

Институт крионики в Детройте (США) и есть тот дом науки, который имеет прямо в своем здании специальное кладбище, где хранятся тела людей для будущего воскрешения. Прямо по Федорову! Мечта философа всеобщего дела начинает осуществляться.

Крионика занимается сохранением тел людей (после их юридически зарегистрированной смерти) в жидком азоте при температуре минус 196 градусов Цельсия с целью последующего восстановления их жизненных процессов с помощью научных достижений будущего. Крионические технологии основываются

на науке криобиологии. Криобиология изучает влияние холода, замораживания на биологические объекты. Основной целью этой науки является поиск возможности осуществления длительной, но обратимой остановки жизни с использованием ультранизких температур. Криобиология относительно молодая наука. Она появилась в 1949 году, когда был открыт первый криопротектор – глицерин. Криопротекторы – защитные вещества, которые способствуют предохранению клеток и тканей от повреждающего действия замораживания.

В 1964 г. в США вышла книга Роберта Эттинжера «Перспективы бессмертия», положившая начало движению крионики во всем мире. Эта книга вскоре была издана на нескольких языках, а в 2003 г. ее перевод вышел в России, дав наконец возможность русскому читателю познакомиться с основами крионики. В 1967 г. в Калифорнии был заморожен первый человек, профессор психологии Джемс Бэдфорд, тело которого до сих пор сохраняется в жидком азоте.

Поначалу крионическое движение развивалось очень медленно. Однако темпы увеличения числа сторонников крионики возросли в 1986 г. после выхода в свет популярной книги Эрика Дрекслера «Машины творения. Наступает эра нанотехнологии». В своих научных трудах этот выдающийся ученый впервые обосновал теоретическую возможность молекулярной инженерии, или нанотехнологии, которая позволит произвести революционные изменения во всех сферах науки и техники. В медицине с помощью молекулярных роботов будут излечиваться все болезни, будет преодолено старение, и человек будет жить столько, сколько захочет.

Но как дожить до этого светлого будущего, которое может быть наступит через 100, а может и через 300 лет? У современной науки и практической медицины пока отсутствуют достижения даже для небольшого продления средневидового, или индивидуально генетического срока жизни человека.

Крионика может дать шанс на физическое бессмертие уже ныне живущим людям. Разумеется, речь идет именно о шансе – как о вероятной возможности, не как о гарантии. Первый реальный, практический шаг по пути воскрешения заключается сейчас в том, чтобы подготовить и сохранить тело умирающего человека для его будущего воскрешения. Это и есть первый шаг по пути общего дела Н. Ф. Федорова. И этим занимаются крионические общества США, которые, кстати, знают и ценят идеи Федорова. Достаточно сказать, что в предисловии к русскому изданию своей книги «Перспективы бессмертия» Р. Эттинджер упоминает «Философию общего дела».

Хотя современная криобиология пока еще не в состоянии успешно криоконсервировать отдельные органы человека и животных для трансплантации, это уже не влияет отрицательно на возможность восстановления замороженных тел людей, потому что есть большая вероятность отремонтировать все повреждения от криоконсервирования с помощью молекулярной инженерии в будущем.

Процесс умирания человеческого организма – не одномоментный процесс. Что означает официальное юридическое заключение врачей о моменте смерти человека – «пациент умер тогда-то и от того-то»? Это означает, что современная медицина расписалась в своей бессилии реанимировать и вылечить умирающий организм человека и юридически заключила, что человек умер, т. е. что она бессильна. Однако клетки и ткани организма человека при этом на 99% живы и продолжают еще некоторое время жить даже после остановки сердца. И если быстро

охладить тело такого «юридически умершего» человека до температуры нуль градусов Цельсия путем холодной перфузии, то это клеточное умирание можно замедлить на сутки и более. Например, стали уже обыденными операции по приживлению конечностей человека, оторванные при несчастных случаях и сохраненные на льду в течение нескольких часов. Но как быть с такой чувствительной тканью, как мозговая ткань, которая чрезвычайно ранима? Наука не стоит на месте. Уже найдены гипотермические методы хранения мозговой ткани в течение суток. Не так давно в Институте крионики научились криоконсервировать кусочки мозга крыс новым методом, витрификацией, – охлаждением до -130°C без образования льда. Клетки при этом выживали в среднем на 85%.

Если бы современная медицина «блудных сынов» не была столь равнодушной и скептической, она могла бы уже сейчас широко применять крионические методы спасения умирающих людей. И эти методы стали бы не столь дорогими и сложными. Сразу после объявления юридической смерти человека необходимо быстро охладить его тело перфузией до 0°C , ввести криозащитные вещества в тело и охладить его уже до температуры жидкого азота, тем самым полностью остановив процесс тканевого умирания. В жидком азоте при -196°C тело может храниться неограниченно долго без каких-либо изменений, – до того времени, когда могущественная наука «сынов человеческих» сможет воскресить крионически сохраненных людей и преобразовать их в бессмертных существ, которые будут обладать Богочеловеческим совершенством.

Сейчас проблема крионического движения – не только научная проблема создания совершенного метода криоконсервирования человеческих тел. Не менее важна для крионики философско-социальная проблема: почему так мало людей хотят воспользоваться шансом на бессмертие через крионическую остановку умирания?

Среднестатистический человек не имеет сильного желания жить вечно и практически не интересуется темой бессмертия, потому что его психология в этом направлении жестко определяется его биологической организацией, которая, в свою очередь, создана его генетической программой. Нормальный человек – это в основном нормальное животное, которое имеет инстинкт самосохранения, но не стремление к победе над смертью, к физическому бессмертию. Человек генетически запрограммирован на рождение и смерть, поэтому он психологически принимает смерть, примиряется с ней, и рождает детей как «свое продолжение». Какова природа человека, такова природа человеческого общества. Целью общества не является сохранение индивида, но лишь сохранение биологического вида. Человеческое общество – общество неличностное, отдельная личность для него – ничто, как бы громко оно ни заявляло: «все – во имя человека, все – для блага человека».

«Человек разумный» – здесь мы, увы, выдаем желаемое за действительное. Человеческий разум не есть Свободный Разум, который определяет свои цели из самого себя для себя. Человек имеет лишь обусловленный разум, цели которого обуславливаются его животными потребностями и его стремлением к наслаждению. Объективно типичного человека правильно называть «Человек тщеславный, стремящийся к развлечениям».

Согласно статистике, люди, которые высказывают желание иметь физическое бессмертие, составляют около 30% от всех опрошенных или даже более. Однако на

самом деле это их желание – абсолютно пустое: они ничего не стремятся делать для этого, и большинство из них забывает о своем высказанном желании сразу после опроса. Это глубинное свойство нашей праздной человеческой цивилизации и человеческой природы вообще. Человечество, которое именует себя как вид «Человек разумный», потратило и продолжает тратить безумные средства на войны и «мануфактурные игрушки», но не на достижение бессмертия, потому что люди не имеют стремления стать Совершенными, Богоподобными существами, атрибутом которых является бессмертие. Даже в такой богатой и, казалось бы, «цивилизованной» стране как США, в которой только и существуют крионические компании, очень немногие люди заключили договора на криоконсервацию их тел после их «юридически зафиксированной смерти». Во всем мире стали крионистами всего приблизительно 1400 человек и большинство из них граждане США. Более или менее активные из них (700 человек) постоянно читают крионическую интернет-конференцию CryoNet и только 50-70 человек из них можно назвать действительно активно участвующими в этом движении. Таково было фактическое социальное состояние крионики, т. е. крионического движения на первую половину 2003 года.

Вероятно, кто-то скажет, что люди просто убеждены в том, что невозможно будет оживить криоконсервированные тела в будущем и достичь физического бессмертия. Но на чем основаны их убеждения? И что человечество сделало для того, чтобы досконально, исчерпывающе выяснить возможность или невозможность воскрешения? Если бы оно не воевало и не вело праздный образ жизни в течение хотя бы прошлого столетия, но все свои громадные средства направило на выяснение этой проблемы, и сотни тысяч ученых работали бы над ней и, в конце концов пришли бы к выводу о невозможности возвращения жизни, – только тогда можно было бы заявить, что эта невозможность более-менее определенно доказана.

Современный научно-технический прогресс и экономика большинства развитых стран позволяют осуществлять криоконсервирование в массовых масштабах, но люди просто не хотят делать этого. Так, даже в США, где демократия, образование и научно-технический прогресс наиболее развиты, имморталистическое и, в частности, крионическое движение развивалось очень трудно и медленно и лишь в последние пять лет темпы роста его участников заметно возросли. В течение 2003 года в среднем 1-2 человека в день подписывались на крионические услуги в трех реально действующих компаниях. Лишь в 2002 году в России был создан Институт биомедицинских технологий (не государственное учреждение), осуществляющий крионическую деятельность.

Чтобы Философия общего дела однажды нашла свою практическую реализацию, люди Земли однажды должны будут *приступить* к её воплощению. Современная наука позволяет начать это уже сейчас. Уже сейчас можно работать в направлении развития криобиологии, нанотехнологии, биотехнологий для того, чтобы продемонстрировать саму возможность обратимости смерти. Уже сейчас мы можем сохранить свои тела и тела своих близких, а с ними информационную сущность наших личностей и тем облегчить для учёных будущего – возможно, не столь уж отдалённого – их восстановление.

Последнее время появилась идея клонирования умершего из его сохранившейся ДНК с целью воскрешения этого человека. Мы не будем вдаваться в подробности вопроса о клонировании, только подчеркнем, что клонирование, может быть, будет способно создать близнецов клонируемого человека, наподобие

однойцовых близнецов. Однако эти близнецы будут лишь физическими копиями, но не собственно той уникальной личностью, из ДНК которой они были созданы. На наш взгляд, не клонирование, а именно крионическая остановка процесса умирания человека может дать шанс на действительное его воскрешение и бессмертие.

В. И. Бодякин

ПРОЕКТ «АКВА-ИНФОРМОГРАД» В СВЕТЕ ИДЕЙ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Как ни часто в истории современники говорят о своем времени, как об особом времени, все же повторяюсь. Действительно наше время не только стоит на грани тысячелетий, но оно и на переломном моменте смены нравственного императива человечества, а также и на границе его гибели или переходе в новое ноосферное состояние (сверхцивилизация, сверхразум). Время этого перехода, буквально несколько десятилетий, так что мы не только прямые участники, но творцы и конструкторы будущего человеческой цивилизации, и очень много зависит от нас.

Процесс рождения разума и духовности на земле вынужденно проходил через низшие биологические формы материи. Одна из самых агрессивных форм – homo-faber (человек-умелый). Сейчас мы находимся на переходе от homo-faber-sapiens к человеку-нравственному-духовному (homo-noosferus). Переход этот не прост и надо приложить немало усилий чтобы он состоялся.

Антикосмизм. Ожидаемое появление «антихриста» □ это не что-то персонифицированное, это □ некая, пока несформированная, виртуальная культурно-социальная структура, которая пока еще никем не занята. Цивилизация дает в руки каждого субъекта все более и более мощные орудия преобразования окружающего мира. Направление этого преобразования уже является нравственной категорией, точнее, прогностически ментальной. Границы реализации геростратова комплекса с каждым часом потенциально расширяются от поджога храма Артемиды до всемирного пожара. Можно строить, а можно вносить в мир разрушения и хаос, занимая место антихриста или его пособников.

Сегодня мы живем в мире абсурда, когда все жизнеохранительные коренные понятия перевернуты и искажены, миром правит алчность и близорукая глупость. Тогда как «знающие» должны быть самыми свободными и самыми богатыми людьми, они в своем большинстве нищенствуют, находясь на грани голодной смерти. Инженеры, ученые, рабочие, педагоги, все творящие добро (знание), отдавая всем крупницы рожденного ими знания, должны и сами пользоваться результатами овеществленного знания уже многократно усиленного делами других соратников. Развернуть мир к добру и свету должны мы с вами, это святая обязанность каждого из нас.

Законы эволюции. Развитие материи подчиняется объективным законам Мироздания. Группу законов, касающихся жизнедеятельности сложных систем, открыл еще в начале этого века А. А. Богданов в своей знаменитой «Тектологии». Суть этих законов заключается в том, что суммарный потенциал системы определяется характером взаимодействия ее подсистем. Так если подсистемы индифферентны (равнодушны) к друг

другу, то суммарный потенциал всей системы эквивалентен потенциалу одной из подсистем. Если же подсистемы находятся в состоянии войны каждый с каждым, то потенциал системы меньше потенциала самой слабой из подсистем. И в случае, если взаимодействие всех подсистем носит целенаправленный характер, то потенциал системы много больше суммы потенциалов всех подсистем. Это закон *свехраддитивности*, когда целое больше суммы его частей.

Законы, открытые Богдановым, особенно наглядны в социальных процессах, например: индивиды и коллектив, княжества и государство, государства и человечество. Что характерно, так это то, что любой поступок через многочисленные обратные связи всегда возвращается и к его автору или уже к его потомкам. Злой поступок всегда аукнется злом, добрый – добром.

Зло во всех отношениях антиэволюционно, оно несет в себе потенциал самоуничтожения и может существовать только в паразитной форме, обескровливая силы эволюции и добра. Но чем локальнее мы рассматриваем области жизнедеятельности, тем возможны бо'льшие нравственные флуктуации. Если раньше грабитель или эксплуататор мог до конца своих дней пользоваться материальными благами, полученными через зло, то сегодня наворовавшийся олигарх уже лишает себя будущих научных открытий и нововведений, в частности, медицинской помощи, если у него будет, например, рак или другая пока неизлечимая болезнь. Если раньше зло было материально «выгодно» на одно-два поколения, то сегодня его последствия уже через несколько лет настигают и своего непосредственного родителя.

Сегодня мир стал очень динамичен и социально близок. Мы вступили в эпоху, когда зло уже и материально становится «не выгодно» всем и каждому в отдельности. И это понимают все большее количество людей. Так, например, если бы в своих отношениях друг с другом люди руководствовались только искренней доброжелательностью, относясь к другому как к самому себе, то через небольшое время (3-10 лет) социально-экономическое положение каждого из них было бы много лучше, чем при продолжении развития сегодняшних, устаревающих социальных отношений. Даже сегодняшние сверхбогачи при системе взаимной доброжелательности, через некоторое время, станут в абсолютном отношении материально гораздо богаче, чем это было возможно сейчас. А иначе, хотя они и будут относительно других богаче, сами останутся бедны, относительно открывавшихся перед ними, но упущенных возможностей.

Научное сообщество. Сегодняшнее мощное современное научное сообщество уже существует как факт. Потенциал созданных в период военной гонки мировых научных сообществ и ныне находящихся на распутье, может быть направлен на актуальные задачи, которые встанут в полный рост перед человечеством в ближайшем будущем. Это глобальные проблемы экологии, медицины, создания новых высоких гуманных технологий, построения новых типов поселений будущего и др. Наша задача предложить эти пути в направление *Русского космизма*.

Родоначальником Русского космизма по праву считается Н. Ф. Федоров, выдвинувший идею «регуляции природы», «внесения в нее воли и разума». Он верил в созидательную силу науки, считая, что человек в будущем сможет управлять климатом, ликвидировать засухи, наводнения, землетрясения, откроет для себя новые неиссякающие источники энергии.

Океан – кухня погоды. Прогнозируемое глобальное потепление климата вызовет таяние многокилометровой толщи ледников Антарктиды, Гренландии, что приведет к

поднятию уровня Мирового океана на десятки метров, затопляя территории проживания более трети населения земли.

Первая задача – это создание научно-исследовательских структур изучения климата земли для возможности локального управления погодой и глобального управления климатом. Сегодня такие задачи частично решаются различными странами мира. По мере роста НТП возможности стран в управлении погодой будут усиливаться. Но решение этой задачи ни в коем случае не должно носить характер национальных или региональных программ. Это должна быть Программа, осуществляемая только под международным контролем (ООН, ЮНЕСКО и др. структур).

При реализации технологии управления погодой необходимы социально-производственные структуры. Создание таких форм океанических поселений вполне по силам мировому научному сообществу. Причем, параллельно эти океанические поселения могут быть вовлечены в решение и других важнейших задач. Рассмотрим задачу управления погодой комплексно.

Известно, что Мировой океан, составляющий большую часть поверхности Земли является водной пустыней, особенно его центральные области. Все материковое минеральное вещество уже успевает осесть на дно, обрывая начало кругооборота различных морских биоценозов.

В частности, рекультивации океанических поверхностных толщ воды могла бы стать основанием пищевой пирамиды, как для улучшения питания человечества, так и для создания аква-производств в новых социально прогрессивных структурах общества.

Причем, задача новых социально-экономических структур должна решаться не как заявка каких-то правительств или финансово-промышленных групп, а без спешки, как чисто научная задача по созданию общества будущего, его саморазвивающихся социально-экономических структур, являющихся ядром, из которого устойчиво вырастает и, в которое модифицируется все нынешнее общество.

Все научно-производственные и социально-экономические процессы в проектируемом обществе по всем своим параметрам должны моделироваться в реальном масштабе времени на мощных вычислительных нейросемантических системах с высокой степенью социальной адекватности и технической надежности.

Рассмотрим в качестве исходного проекта разрабатываемую социально-экономическую структуру общества будущего, как международную научно-производственную экспедицию на плавучем острове из пеностекла □ проект «Аква-Информоград».

Данная структура полностью самообеспечена («натуральное хозяйство XXI века») и имеет большой научный потенциал, который, решая текущие задачи от бытовых до производственных на высоком нравственном и технологическом уровне, будет являться выставкой достижений, университетом и опытным производством для регионов, через которые будет пролегать путь движения Острова («Новой Атлантиды») – *«Вот наше знание и оно открыто для вас, пользуйтесь им во благо всем».*

Другая задача «Аква-Информограда» – рекультивация Мирового океана, «вдыхание в него жизни». Поднятие Аква-Информоградом со дна осадочных отложений в верхние слои, и опускание теплых вод (15–30 С°), будут служить для «возбуждения» в 100–1000 раз океанической жизни и для оперативного (годового) климатического изменения температуры поверхности океана (например, Атлантического).

Солнечная энергия □ основа всех жизненных процессов на Земле. Взаимодействующий с поверхностью солнечный луч может или тут же превратиться в

тепловую форму энергии, или может запустить биопроцессы, растянув процесс преобразования в тепловую форму на десятки и сотни лет. Все это время солнечная энергия будет работать на жизнь на Земле.

Недостающие звенья океанического биокругооборота известны в каждом конкретном случае. Включить эти звенья, запустив активные формы жизнеоборота Океана, и есть одна из основных задач Аква-Информограда. Причем отметим, что решение задачи рекультивации океанических пустынь одновременно решает и задачу управления глобальным тепловым балансом Планеты. Возможно, что глобальные изменения климата в истории земли, объясняются не результатами космических катастроф, а взрывными этапами эволюции ее биоты.

Демонстрация через высокие технологии возможности строить высокоэффективные социально-экономические структуры всем желающим - это может быть достойный научного сообщества ответ на человеконенавистническую политическую концепцию «золотого миллиарда» - нового полупросвещенного расизма.

Стратегическое решение проблемы глобального потепления климата планеты решается рассчитанным управлением процессов рекультивации Мирового океана с постоянным и широкоаспектным мониторингом.

Итак, проект «Аквa-Информоград» решает четыре важнейшие задачи: *управление климатом* (в частности, регуляция атмосферных процессов и, соответственно, предотвращение стихийных погодных бедствий); *построение новых прогрессивных социально-экономических структур; превращение океанических пустынь в насыщенные жизнью просторы*, и соответствующее многократное повышение биоты Земли, *управление тепловым балансом планеты*.

Пример проекта «Аквa-Информоград» мы рассмотрели как один из многих, чтобы показать, как на научно-нравственной основе решать назревшие проблемы человечества.

Глобальная интеграция знания. Наличие огромных междисциплинарных «белых пятен», а также, «китайских стен», созданных труднодоступными методиками и специальной терминологией, разделяющих различные области науки и техники (по данным Американского словаря профессий на 1965г. имелось 35,5 тысяч профессий, разделенных на 114 групп в 22 областях деятельности), и при этом, наличие множества неструктурированных и не уложенных в рамки каких-либо теорий фактов – все это, есть основные причины информационного кризиса в познании мира на современном этапе.

Одним из возможных решений по преодолению исключительных трудностей современных междисциплинарных исследований могут быть *человеко-машинные системы* на базе нейросемантических структур, в частности, интеллектуальное рабочее место исследователя (ИРМИ).

Разрабатывая крупномасштабные базы данных (знаний), еще с эпохи АСУ, мы пришли к необходимости разработки самоорганизующихся (синергетических) механизмов автоструктуризации информационных потоков в нейроподобных средах. Это направление открывало нам несколько путей: построение терабайтовых баз знаний (более 10^{12} байт); формирование концептуальной модели функционирования мозга; создание теории эволюции сложных информационных структур. Как выяснилось в процессе работы, пришлось одновременно прорабатывать все пути, к тому же добавилась еще и нравственная компонента, чтобы избежать печального опыта предыдущих научных открытий, когда их первое применение начиналось с агрессивного военного. Для обеспечения безопасности, мы были вынуждены разработать модель социума, решающую и проблему этической

оценки каждого поступка. Это действительно чрезвычайно важный и необходимый шаг, так как возможное информационное оружие по своей потенциальной действенности превышает все, известные до сего времени, средства насилия. В рамках проекта «Информоград» эта проблема успешно решается обеспечением информационной прозрачности социальных отношений, что одновременно позволяет практически реализовать формулу положительной социальной обратной связи: *«каждый получает то, что он искренне желает другим, – только в тысячу раз более»*.

Эра сверхгуманизма. Человечество тысячелетия мечтало о социальной справедливости, о социализме, библейском, христианском, утопическом и научном. «Эра сверхгуманизма» наступит, когда обыденным явлением станет реализация высокой предназначенной природой одаренности человека. Сегодня из тысячи потенциальных гениев (с природной одаренностью в $IQ \approx 160$) – 999 гасится именно из-за неудовлетворительных социально-экономических условий развития, а из 1000 развившихся – 999 гасится на этапе реализации. Таким образом, сегодняшний К.П.Д. творческого потенциала социума – одна десятитысячная процента, или одна миллионная (!?!).

Исправление этого исторически сложившегося социально-нравственного перекося будет осуществляться Информоградом, когда каждый пятидесятый (!) ребенок реализуется как гений мировой величины, каждый пятый – высочайший талант в своей области, имя которого войдет во все энциклопедии. Все информоградцы – творческие работники, профессионалы в своих областях. Совокупная системная креативность Информограда в десятки тысяч раз превышает сегодняшний социальный потенциал личностей «по отдельности». «Гении – это звездные островки, по которым общество устремляется в будущее».

Сегодня создается новая карта мира – это *информационная карта*. Нам со школы хорошо известна географическая карта, на которой уже не осталось белых пятен. Известно, что структуры, отображаемые на природно-экономических картах породили сегодняшнюю политическую карту мира. На сегодня прослеживаются только контуры информационной карты мира, которую можно уподобить климатической. Наше будущее социально-нравственное, целиком будет определяться будущими информационными «Эль-Кувейтами». Их расположение, как узловых точек экономики постиндустриального общества, еще очень неопределенно, любая новая информационная технология может радикально изменить контуры этой карты. Возможно, такими центрами постепенно станут Западная Европа и США, а может быть, что и Россия, содействуя становлению глобальной сети знаний, станет локомотивом мировой экономики, тем более что у нее для этого есть все предпосылки.

О. А. Бабанова

РОЛЬ ИСКУССТВА В ПРОЕКТЕ ОБЩЕГО ДЕЛА

В 2003 году исполняется сто лет со дня смерти выдающегося русского мыслителя Николая Фёдоровича Фёдорова. Даже в начале нового тысячелетия его мысли кажутся невероятными и дерзновенными, в особенности главная его мысль о возможности полной победы над «последним врагом» – смертью, и воскрешении всех живших на земле

поколений «отцов». Забвение этой самой главной для достижения полноты бытия человека задачи превращает жизнь на земле в лучшем случае – в погоню за сменой впечатлений, в конце которой его ждёт унылое прозябание, а в худшем – в рукотворный ад, оснащённый самыми совершенными и «прогрессивными» орудиями уничтожения.

В грандиозной задаче, поставленной Николаем Федоровым перед человечеством, каждый из трех компонентов Разума – Религия, Наука и Искусство – имеет свою конкретную задачу. Религия ставит цель, Наука создает средства в форме знаний, теорий и технологий, но главная задача – использовать эти средства для достижения цели – ложится на плечи Искусства. Наиболее ярко проявляется подобие Божье в человеке именно в роли творца, а высшей формой искусства, по мысли Федорова, является внехрамовая, вселенская литургия – «Общее Дело». «Если храмовая литургия в настоящее время не вполне соответствует своему названию или значению служения общему делу, то только потому, что в жизни мы выказываемся не теми людьми, какими являемся в молитве» – писал Федоров (I, 264). До тех пор, пока искусство сознательно не поставлено его творцами на служение делу победы над смертью и воскрешения усопших, даже из уст титанов не сможет вырваться ничего, способного противостоять воплю Микеланджело:

...мой жалкий гений
Извлечь, любя, способен смерть одну.

«Если Микеланджело, – говорит Федоров, – приписывает слабости своего гения, что он силою своего искусства может вызвать только мертвое, несмотря на то, что горит желанием вызвать живое, то все художники, философы должны согласиться, что не в недостатке гения, а в недостатке искусства или техники вообще, нужно искать причину мертвенности искусства, т. е. в самих материалах, самих средствах, которые употребляет искусство. <...> Но он знает и слабость природы такой, какую она есть, т. е. слепой. Он видит это изумительное противоречие, по которому художник-творец кратковременнее своего творения. Причина, говорит он, уступает следствию, природа побеждается искусством...» (III, 452) Хотя эта победа – лишь «мнимое воскрешение», она дает надежду на то, что творческая мощь Художника способна осуществить и воскрешение реальное.

Именно к нему призывает искусство Федоров, и вне этой задачи полагает заблудившимися и поставленными на роль слуг потребителей «мануфактурных игрушек» и искусство, и науку. Он призывает людей возвести очи от «града земного», который «поставил целью наслаждение, отрекся от отцов <...> поставил своим законом *прогресс*, который состоит в борьбе и вытеснении <...> ведет ко взаимному ограничению и смерти, как результатам борьбы», к «граду небесному», суть которого состоит в «спасении всего вытесненного, потому что соединенный человеческий род будет иметь источником жизни, будет получать средства к существованию не от ограниченной земли, а от безграничного неба, управление силами которого будет результатом объединенного рода человеческого» (III, 711).

Картина современного искусства вбирает в себя как традиционные реалистические и символические направления, так и продолжение всех течений, которые зародились в конце XIX века и получили широкое распространение по всему миру в широком спектре форм от примитивизма до абстракционизма. По нашему убеждению, все формы искусства в принципе способны служить делу воскрешения – кроме искусства конъюнктурного, неискреннего. Впрочем, и слово «искусство» в применении к этому феномену неуместно.

Искусство XX века пронизано энергиями разрушения. Многие художники, ломая традиционные формы искусства, пытались дойти до самых глубинных корней мироздания и понять природу разрушительных стихий, боли, греха, смерти. Но если эта работа вела к действительному пониманию, она тем самым обнажала причины неродства, а всякое понимание болезни – это возможность ее излечения. Лишь когда художник начинает наслаждаться картинами распада и сознательно служит смерти, его живопись превращается в «мертвопись», а сам он попадает в ловушку, в безысходный адский лабиринт, в котором, как тени в Дантовом аду, вынуждены бесконечно кружиться художники эпохи постмодерна. Отказ от Истины неизбежно ведет к утрате Красоты. Истинное искусство – это всегда «проект», оно открывает путь к возделыванию Эдемского сада, является проводником Божественных энергий на землю. Даже в такой форме живописи, как натюрморт, присутствует это задание, причем во французском слове слышна печаль по «мертвой природе», а в английском «still life» – спокойное ощущение нетленности красоты. Высшим синтезом искусств, достигнутым на земле, является храмовое искусство, которое стало свидетельством и проповедью воскрешения – и в литургике, и в архитектуре, и в иконописи. «Смысл же храма, – пишет Федоров, – заключается в том, что он есть проект Вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено». Но «храм, даже самый громадный, мал до ничтожества сравнительно со Вселенной, им изображаемой» (II, 236). Высшей же формой искусства станет «коперниканское искусство», храмом для которого будет вся Вселенная, а дело напоминания об ушедших отцах – делом их воскрешения.

Перечитывая Фёдорова, сталкиваешься с тем, что он многократно, в разных вариантах, стараясь достучаться до глубины сердца погрязшего в ежедневной суете человека, настойчиво повторяет свою заветную мысль, без которой совершенно пустыми словами становятся разговоры о братстве и христианской любви. «Человечество потому и не стало ещё христианством, т. е. истинным братством, что воскрешение не стало проектом, даже не признано таковым» – писал он в заметке о романе Беллами «Оглядываясь назад от 2000 к 1887 году». В романе Беллами, почти забытом сегодня, описано общество 2000 года, в чём-то очень напоминающее современное, несмотря на очевидные архаизмы. В этом обществе, пишет Фёдоров, «Религия оказывается только мнением, а не делом. И притом мнением личным, а не общим, общее же дело состоит в доставлении комфорта всем, развлечений большинству, а меньшинству – досуга для праздного размышления и художественного самовыражения» (III, 514). Беллами «отождествляет богатство (комфорт) и университетское образование с общественным благом, и, очевидно вовсе не знает о бедствиях, общих богатым и бедным, образованным и необразованным, и при изображении общественных пороков XIX века руководится не сочувствием к бедным, а завистью к богатым . <...> Только страждущие завистью к богатству могут поставить целью объединение во имя комфорта, во имя хлеба и зрелищ <...> игнорируя при этом смерть, то есть общее бедствие...» (III, 512).

Этот упрёк Фёдорова в полной мере может быть адресован и нашему времени. Несмотря на огромный прогресс технологий, фантастические достижения физики, химии, биологии, самая главная проблема человеческого бытия – проблема смерти – остаётся не только не решенной, но вообще отодвигается на задний план, подчинившись магистральным течениям финансов, инвестиционных потоков, направляющихся в первую очередь в область разрушения, а не противостояния смерти.. Идеи Федорова, как и вообще фундаментальные христианские идеи с проповедью любви, братства, бессмертия, достоинства человека, и отношением к нему как к «твари, которой дано задание стать

Богом», очень просты и доступны. Почему же они на протяжении тысячелетий с таким трудом пробиваются в сознание людей и в их жизнь?

Ответ на это вопрос связан с отношением к смерти, которое по разному проявляется в различных культурах. Частичный ответ на этот вопрос дал Фрейд в учении о «либидо» – влечении к жизни и наслаждению и «танатосе» – противоположном влечении к смерти и небытию. В мозгу человека, действительно, существуют «центры боли» и «центры наслаждения», раздражение которых вызывает выбросы энергии с противоположной эмоциональной окраской. Влечение к смерти – хорошо известная психиатрам патология, но в неявной форме оно наличествует практически у любого человека. Оно является источником психических и сексуальных извращений, крайним проявлением которых является некрофилия. Заигрывание со смертью или прямое служение ей стало в искусстве XX века модным делом – в наши дни оно проявилось в соответствующих времени рыночных формах, от «сатанинских» татуировок и ритмов тяжёлого рока, до специфического видеорынка записей реальных пыток и убийств. Либеральное общественное мнение терпит это, апеллируя к «свободе творческого самовыражения» и как бы не понимая, что здесь прорастают уже не семена мысли, а зёрна действия, которое ждёт момента для того чтобы выплеснуться на улицы, ворваться в дома, уничтожая жизнь и разум во всех их формах, в конце, естественно, уничтожив и себя – что и является сверхзадачей врага рода человеческого. Можно сказать, конечно, что к искусству всё это не имеет отношения, но, увы, это не так. Цветы искусства требуют чистой духовной атмосферы, и погибают в атмосфере, отравленной миазмами. Другое дело, что все эти явления временны, обречены, ибо лишены источников чистых энергий, питающих истинное творчество. Но эта уверенность не снимает проблемы поиска пути выхода из кризиса, в котором оказалось искусство в XX веке.

Утомлённое, становящееся в позу всё постигшего и всё в сущности презирующего, строящего иронические коллажи из трупиков и обрезков того, что было искусством когда-то, отвыкшее от тяжкого труда души, свойственного по словам К. Леонтьева «воинам, монахам и поэтам», искусство, все в той же извечной люциферовой гордыне отворачивается от Источника Вечной Жизни. Искусство христианских стран было всё пронизано верой в спасение, будь то эпоха углублённого религиозного созерцания в Средние века, когда Европа строила соборы, а Россия – храмы непостижимой красоты и гармонии, когда Рублёв создал гениальную «Троицу», или же эпоха Возрождения, когда люди вновь открыли красоту живого человеческого тела и поняли, что античность – это не руины, на которых выросло здание христианства, а источник и фундамент культуры, необходимый этап, ценности которого не уничтожаются, а преобразуются евангельским учением. Художник, ощутивший себя истинным подобием Творца, способным создавать новое, пусть не из абсолютного Ничто, но из материала, не имевшего нужной формы. И художник, и честный ремесленник, всегда понимали, что их работа – это вызов Смерти и подготовка победы над ней.

Служители смерти, тайные и явные, конечно, были и тогда среди людей, но находясь в христианском мире, они остерегались откровенно демонстрировать, кому именно они служат. Первые откровения этого рода личностей, ощутивших, что уже можно сбросить маску, связаны с периодом кризиса веры на грани Возрождения и Просвещения, когда выяснилось, что Библия – это отнюдь не трактат об устройстве мира, а собрание древних мифов еврейского народа, когда возникло учение Коперника, но мыслить по-Фёдоровски еще никто не умел, а успехи развивающейся науки заставили усомниться в правильности буквального толкования Библии и подорвали авторитет церкви. Тогда то и вышел на арену

злополучный маркиз де Сад со своими откровениями. Он вытащил на поверхность пружины, тайно двигавшие «романтиками» байронического типа, и стал родоначальником плеяды откровенных смертопоклонников и изысканных извращенцев. В двадцатом веке ядовитые семена смертобожничества проросли и дали плоды и в политике, и в искусстве. На этом поле оказалось возможным вырастить и концлагеря, и «новое искусство», извратившего свою исконную задачу и ставшего (как, впрочем, и наука того же рода) на службу смерти.

Процесс глобализации, под которым сегодня понимают в основном попытки униформизации многообразия мировых культур и подчинения их регламенту американской культуры, главной целью и божеством которой является доллар, вызывает естественное сопротивление культур и народов, не желающих превратиться в пыль под жерновами глобализации. Но противостоять долларовой глобализации может только ноосферное развитие, не боящееся поставить в качестве реальной цели преодоление смерти, власти времени над человеком, определяющее творческую личность, как высшую ценность. Современная наука приходит к выводу, о котором давно знала христианская мысль, что человек, созданный по образу и подобию Божию, – это отнюдь не случайный плод случайных сочетаний частиц, а ключевое звено мироздания, без которого сама Вселенная обречена на неизбежную гибель. Именно от того, какой путь выберет человечество – потакания сиюминутным прихотям и страстям, или путь осознания своего фундаментального предназначения в Мироздании, и будет зависеть его история.

Идеи Николая Фёдорова дают в руки современным художникам, не желающим служить смерти и тлену, путеводную нить, держась за которую искусство несомненно выйдет из тупика, в который его завели смертопоклонники. Более того, эти идеи обещают вернуть искусству его истинное, исконное предназначение – стать не просто зеркалом мира, но реальным средством его преображения и сделать художника одной из центральных фигур величайшего человеческого деяния – внехрамовой литургии, воскрешения умерших предков, обретения обещанной нам в Евангелии Вечной Жизни.

В. В. Варава

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА И ФИЛОСОФИЯ ОТЧЕГО КРАЯ

Фундаментальная мысль Н.Ф.Федорова – «победа жизни над смертью» – в своем духовном замысле, нравственном пафосе и научной проработанности всецело относится к исконнейшим проявлениям русского философского своеобразия. Охватывая и захватывая все жизнепроявления человека, философия «общего дела» сегодня может быть прочитана как философия «Отчего края». «Долг оживления» настолько глубоко связан с русским миропониманием, что исток его нужно искать в философских просторах Отчего края.

Неверно считать философию продуктом интеллектуальной деятельности лишь созерцателей-одиночек или академических ученых. Такой взгляд, сейчас, к сожалению, весьма распространен. Философия творится совокупный духовным опытом всей нации. Чтобы понять мировоззрение народа, особенности его культуры и истории, необходимо понять его философию.

У каждого народа свой философский путь, как и вообще каждый народ жив своим: своим языком, своими традициями, своими верованиями. И если философская элита нации исходит из глубины отечественной Традиции, тогда бытие народа (и материальное тоже)

соответствует идее высшего промысла об этом народе. Если же она соблазняется заданиями иной культуры, тогда в интеллектуальной и духовной сфере наступает смута, которая весьма неблагоприятно отражается на всех уровнях жизни.

Нужно признать, что советский марксизм, будучи философией бескрылой, чересчур земляной, все же при насыщении его минимальными светонесущими энергиями смог интегрировать нацию в космическом прорыве. Люди поверили, говоря словами А. Платонова, что «в науке поместилось ведущее начало Истории». И духовные корни остались неповрежденными, и они смогли дать тот плод, который подтвердил единство русской культуры. «Выход в космос» – духовно-культурное алиби советского периода, сполна выполнившего свою миссию, подтвердившего высочайшую метафизичность России. Это своеобразная космическая радость русских, порывом в иные дали стяжавших достойный смысл жизни.

Идеология современной «интеллектуальной элиты» – замалчивание и искажение коренных смыслов русской философии в угоду пропаганде и популяризации западных стандартов мышления. Сейчас философия перестает быть любо-мудрием, все больше становясь эрудицией, «техникой мышления» и т.д. Одним словом тем, что способствует достижению прагматических целей. Философия стала работать на комфорт жизни, утратив духовную суть стремления к Истине.

Сейчас важно уяснить, что русская философия такое же народное достояние, как и русская песня, русская литература, русская Церковь. Чтобы глубже прочувствовать единство философского духа и народного мышления нужно более плотно подойти к национальным истокам. Где их можно обнаружить? Там, где жив корень нации, где почва является живородящей и животворной стихией, сохраняющей нашу жизнь от гибели. Таким пространством, объединяющим и географические и духовные параметры народа, ставшим *духовной единицей национального бытия*, можно назвать понятие «Отчего края». И соответственно метод его постижения логично обозначить как «Философию Отчего края».

Отличие философии края от эмпирического хорошо сознавал Н. Ф. Федоров. Он полагал, что изучение местной истории – предначинательная задача онтологического проекта воскрешения. В перспективе бытийного восстановления край становится хранителем тех ценностей, которым предстоит раскрыть себя в вечности. Этот взгляд стимулирует метафизическое проникновение в жизнестрой ушедших поколений как неслучайных обитателей мира.

В свете философии воскрешения привычные исторические, этнографические, культурологические и прочие эмпирические параметры жизни народа приобретают мета-измерения и становятся объектом глубинного философского изучения. Становится понятным, что каждый народ живет не только в определенном гео-историческом и культурном пространстве, но и в плоскостях Быта и Бытия. Быт корнево связан с повседневностью, им определяется эмпирическое состояние нации. Бытие – выход в запредельное, здесь религиозные святыни и главнейшие духовные истины. Философия Отчего Края позволяет понять глубинную связь Быта и Бытия, тем самым увидеть подлинный образ нашей Родины. Понять, что единило великих тружеников культуры, живших в одной местности, значит понять, что единит Россию.

Подлинный образ русской идеи представлен в каждом крае (регионе) всем строем русского мироощущения. Философское мироощущение русских зарождается не в аналитически-уютных тренажерах ума, а в ночной глубине страдающего духа. И поэтому

отечественное любомудрие представляет собой не только плод рациональных изысков, но и всецелое трагического мировоззрения народа, смысл бытия которого в Спасении.

Философия Отчего Края дает концентрированное выражение национальной идее, которая многообразно представлена и в русской песне, и в русской литературе, и в русской живописи, и в русском духовном подвижничестве. Все высшие проявления национального духа охвачены одной духовной идеей, которая и есть столь мучительно искомая русская идея – *неприятия и преодоления смерти как высшего зла*. Если воспринимать эту мысль прагматическими категориями западного рационализма, то это утопия, и причем вредная, ибо мешает комфортно пристроиться человеку в жизни. Но таково вековечное подвижничество русского духа, ведущего человека к Правде по пути страданий и тоски.

Становлению сотериологического образа русской идеи более всего способствовала философия Федорова, его понимание причин смерти и смертности в человеке, и соответственно высшего нравственного смысла жизни. Во многом именно Федоров инициировал радикально иной (по отношению к другим философским традициям) подход к осмыслению человеческого Бытия. Стимулировав сотериологический взгляд на человека, Федоров реально позволил увидеть его в различных измерениях. Наличное состояние плачевно, но не безысходно; необходима работа различного характера. И работа по постижению истинного смысла «местной истории», «местного естествознания» у Федорова имеет огромное значение.

Поставленная Федоровым задача: «Как устроить местное изучение человека и природы...» взывает к современному ответу на нее в форме философии Отчего края. Эта философия культивирует взгляд на мир, согласно которому жизнь есть величайшая тайна Бытия. Здесь исключаются любые вульгарные (псевдо-духовные, псевдо-научные и т. д.) представления о происхождении мироздания, сводящие непостижимый процесс возникновения живого и столь же непостижимый факт его исчезновения к механическим, рационально объяснимым схемам эволюционизма. Философия Отчего края приучает к *глубинному мышлению*, к культуре благоговейного отношения к сверхчувственной тайне жизни. Ибо человек впервые появляется на свет именно в Отчем крае. И здесь то духовное и физическое место, где произошло чудо рождения. Понимать это, чувствовать не случайность своего появления в мире и места, в котором это произошло, – значит обладать полноценным мировоззрением. Никакие права человека, экономические свободы и прочие «столпы» духовно обнищавшей цивилизации не смогут заменить то, что делает бытие человека подлинно достойным.

Философия Отчего края становится выразителем своеобразия русской философии. Общая философская идея нации изначально проявляется на «корневом», «почвенном» уровне и она всегда глубоко народна. Напрасно думать, что народ не причастен философской мудрости. Как раз он к ней и причастен более всего. Справедливым является то, что русский человек непричастен к интеллектуальным играм западной философии. Но ведь Запад дал лишь один вариант, один тип философии, который тоже был инициирован ментальностью европейской цивилизации.

Проблемы западной философии – это проблемы именно европейских народов (кризис культуры, «смерть Бога», «смерть человека» и т. д.); и называть их классическими – заблуждение. Если «первая философия», продукт античного мира, онтологична по своей сути, ибо главное там – *удивление перед бытием*, если западно-европейская философия схоластична, так как в ней основное – *познание бытия*, то русская философия духовна, она движима *печалованием о бытии*, ищет Смысла и Света для человека.

Духовно взглядываясь в Отчий край, можно прикоснуться к самим корням вещей, *увидеть* суть Бытия. Бытие *вырастает* из того места (предместья), которому искренне предается сердце человека. Место может быть лишь одно, именно то, в котором человеку преподносится истина о мире, в котором он узнает мир и себя в мире. В этом смысле *предместье* священо; и поэтому духовная интуиция любого народа языком традиции говорит о святости Родины. Родное раскрывается как многомерное явление; в нем память, зов, дух, совесть, истина, спасение.

Вот почему так важен язык Отчего края. Не существует абсолютного «нормального» языка. Всяк язык диалектен. Диалект – не категория лингвистики, а языковой просвет Бытия. Как говорит народ в определенной местности, так говорит само Бытие здесь. Преображаясь в творческом сознании поэтов, писателей, язык Отчего края предстает как высшая форма сознания живущих здесь. Изучение родного слова – важнейшее условие укрепления мысли и духа.

Отчий края, соединяя Быт и Бытие, организует *житийное пространство* человека. Человек живет не в культуре, а всегда в Отчем крае. Изначальной единицей жития человека является дом. Крыша дома – купол Неба. Выйти в вечный простор Неба можно только через Отчий дом. Дом – не категория социума, а категория Бытия. Философия Отчего края есть и домоустройство, помогает правильно устроить дом. А правильно его устроить – значит сообразовать с тем, как принято в этом месте. Дом должен быть опрятен и уютен, но не должен быть *комфортным*. Комфорт усиливает страх, ибо отчуждает роскошью искусственного от естественного тепла земли и уменьшает действие благодати, которая через небогатый уют обретается надежнее.

Дом организуется не по архитектурному произволу, а принимает очертания духовного ландшафта Отчего края. И как язык всегда в каждом крае особый, так и дом имеет свой диалектный стиль, а их совокупность выявляет чудное соцветие русской эстетики.

Важно понять своеобразие русской философии и русской культуры. Не отрицая другие традиции, нельзя себя смешивать с ними, уподобляться и подменять. Чтобы отчетливо видеть свое, нужно ясно видеть иное (и наоборот). Только «дурное смешение» культур в гуманизме не позволяет за «общечеловеческой ширмой» гедонизма увидеть действительное своеобразие иного.

Философия Отчего края естественно покажет путь человеку к отчей религии. Совершеннейшая ложь и фарисейство говорить об «общечеловеческом христианстве», которое в действительности является интеллигентской (тайной!) верой. Здесь все что угодно, только не русская Церковь. Соответственно бесплодны метания в поисках «просвещенной религии». Кто говорит, что главное «верить в душе», болен каким-то неистребимым масонством духа, который в действительности не хочет ни веры, ни души.

Философия Отчего края препятствует насаждению всяческих *утопических идеологий* в России. Поскольку она приближается к раскрытию подлинной основы русской жизни, то равно отрицает и современный утопизм рыночного счастья, и коммунистический утопизм светлого будущего, и техногенный утопизм бесконечного прогресса, и экологический утопизм спасения планеты и проч.

Философия Отчего края дает воочию увидеть *абсурд реформирования*, его бессмысленность и вредоносность. А это уже немало: когда человек смотрит не *в будущее*, а *в сущее*, он может стяжать истинное благо пребывания в этом конечном мире, которое не равно протестантскому рыночному комфорту. Философия Отчего края помогает увидеть, что смысл не в счастье, а в Правде.

Одной из главных ценностей нравственной жизни является земля. Это настолько сущностное понятие, что для его постижения требуется напряженная работа и ума, и духа, и совести. Философия Отчего края показывает нравственную ценность земли. Сейчас, когда земля стала центром бессовестных политических интриг, это особенно важно.

Земля – понятие духовное не в меньшей степени, чем материальное. Именно в земле концентрируются наиболее значимые смыслы бытия человека. Путь к Небу лежит через землю. Земля хранит в себе неисчерпаемую тайну природы. Прикосновение к земле – приобщение к первородной стихии бытия. Во многом Земля и Бытие – духовные синонимы.

Почувствовать остро землю, понять, что «в ней содержится мелкий прах чужих гробов» (А. Платонов), значит исполниться священного трепета и долга перед ней. То есть понять свое Отечество и полюбить его. Научиться в земле видеть не только материю и материал для пропитания плоти, но и священный прах в святую вечность ушедших поколений, ставший духовной материей для светлого бытия живущих. Земля нужна для хождения по ней, для созерцания и созревания, для удивления бескрайностью и для испуга бездонностью. Степь и поле, лес и река, почва и воздух, то есть то, что наука называет ставшим уже бездушным словом «природа», есть дар земли. Не только экономика владеет землей, но и поэзия, религия, философия. То есть то, что не прагматично и не рентабельно.

Будет здорова земля – будет свет и смысл, будет радость и праздник. Не безумное шоу не знающих ни земли, ни неба, а истинный праздник, который есть праздник плодородия и материального и духовного. Нынешние споры о духовности – во многом споры о земле, о понимании ее смысла.

Многие не понимают, что земля не только сфера экономики, даже сельского хозяйства. Пренебрегают духовным смыслом земли. Думают, что земля – «крестьянский удел». Между тем как земля – универсальная национальная ценность, и если она будет больна (то есть в чужих руках), погибнет не только деревня, погибнет народ.

Чтобы сохранить свою землю, нужно видеть ее духовное зерно. Философия Отчего края обнаруживает духовное измерение земли.

Бытие России – трагический эсхатологический крест, – таков общий вывод отечественного любомудрия, кровью выстрадавшего эту горькую истину. Аскетическое самостояние в горе мира – таков духовный смысл русской идеи. Навязывание счастья – хитрый выверт пресытившихся, пытающихся сбить русского человека с того пути, который не нами сегодняшними проложен. Философия Отчего края раскрывает духовный подвиг ушедших поколений. Тем самым оказывается возможным в прошлом обрести те жизненные смыслы, которых сегодня так недостает соотечественникам.

Трагедия человека в том, что при всем глубоко искреннем почитании своей родной земли, он все же является предателем Отчего края. Истинный патриот тот, кто чувствует свое предательство, свой бытийный разрыв с родною почвой и скорбит от этого. Изменяет человек Родине не в силу особого злого умысла, а по своей испорченной нравственной сути. Жало Каина глубоко вошло в душу смертного и ядом зависти, порождающего стремление к счастливой жизни, отравило ее. Но не навечно. Как раз Отчий край и есть духовное целительство от язвы своекорыстия. Родина – это там, где хорошо человеку, но не к коем случае не обратное. Родина бескорыстно дарует благодать душевного успокоения. Только на родной почве исчезает «инстинкт самосохранения», порождающий вражду, конкуренцию, борьбу, то есть прогресс, цивилизацию. Поэтому человек в долгу у Родины извечно. Он всегда уже виновен перед ней и ему нечем расплатиться, никаким подвигом ему не искупить свою вину окончательно. Поэтому подвиг – это то, что повторяется из

поколения в поколение, это то, чему придается статус особой святости. Каждое поколение должно совершить подвиг, и если оно уже не способно сделать это, тогда оно гибнет.

Гоголь дал точнейшую характеристику *чужой земле*: «Там все не так: и люди не те, и церковей Христовых нет ...» Понять в чем смысл своего, родного нельзя рационально. Если нации понимать только умом, то они как будто все одинаковы: одни и те же потребности и т.д. Здесь коренится идеология обезличивания культурно-исторического своеобразия разных народов в угоду ценностям только одного западного мира. И научить нельзя национальному; его нужно сверхчувственно переживать и духовно ощущать, как говорит Гоголь – *там все не так*. Это интуитивное знание, дающее благодать соучастия в Бытии своего народа. Если оно утрачивается, тогда презрение к родному и рывок на Запад. Выпадая из национального, человек не попадает в общечеловеческое, он проваливается в «культурную пустоту», которая уничтожает его во всех смыслах.

Если Родину нельзя понять, то ее можно любить. Философия Отчего края учит любви (при всей противоречивости выражения, но еще бл. Августин говорил, что мы познаем настолько, насколько любим, а не наоборот). В рациональном смысле научить любви нельзя; философия Отчего края предполагает научение в качестве *деятельного созерцания* и *ответчивого предстояния*. Если она сможет раскрыть духовный смысл Отечества в подлинном виде, то простое самостояние человека в нем способно будет пробудить в душе «родные архетипы», зов отчей совести. И если это происходит, тогда человек может насыщаться уже и рациональным знанием из истории, географии, литературы. Но первична любовь, остальное прилагается.

Отчий край – та крепь нации, которая дает силу и радость, но только тем, кто искренне *причастился* ее благотворной сути. Не существует рациональной методологии постижения истины, которой жив народ. Здесь большая трудность, и прежде всего, конечно, для педагогики. И сейчас наше образование находится в наисильнейшем духовном и интеллектуальном смятении. Введение в образовательный процесс не современных инновационных технологий, а курса «Философии Отчего края» принесет реальную пользу.

Применительно к Воронежу *Философия Отчего края* поможет выявить те глубинно-духовные нити, которые связывали всех великих людей, живших на нашей земле. Так, станет ясным, что роднит митр. Евгения (Болховитинова) с писателем Андреем Платоновым, поэта Алексея Кольцова со свт. Тихоном Задонским, как особая песенная культура нашего края совместима с художественным видением мира.

Философия Отчего Края раскрывает ту даль времен, куда ни исторически, ни археологически проникнуть нельзя. Постигание духовных первооснов жизни, которые проявились во многих поколениях соотечественников, выявляет реальную связь времен, которая крепится не просто чередой поколений, но и вечными смыслами и ценностями Отчего края.

Перспектива Федоровского любомудрия – это перспектива, в свете которой многообразно раскрывается творческая энергия народа. Будучи одним из активнейших сторонников глубинного изучения регионов «в горизонте воскрешения», Федоров может считаться по праву основателем философии Отчего края, которая есть духовно-философская археология нации.

С. Т. Петров

ВСЕЛЕНСКИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ (проект бессрочного хранения информации в свете идей Н. Ф. Федорова)

— Ну, кому надо! Да чего вы так испугались, ведь у вас <...> заготавливается всегда по несколько списков, один за границей у нотариуса, другой в Петербурге, третий в Москве, потом в банк что ли отсылаете.

— Но ведь и Москва сгореть может, а с ней моя рукопись...

Ф. М. Достоевский «Бесы».

В статье рассматриваются вопросы построения систем бессрочного хранения информации (СБХИ) от Адама до Путина. Учитывая особую роль федоровских идей для современных СБХИ, которые неизбежно будут содержать космические объекты, и, принимая во внимание, что, вероятно, одной из первых таких систем станет библиотечная сеть России¹, настоящая статья названа именно так, поскольку поистине Н. Ф. Федоров — «вселенский библиотекарь». Автор статьи не является богословам и излагает исключительно свой взгляд на проблему.

Из истории вопроса. Предпосылки современных СБХИ

Первая *рукотворная* попытка построить неуничтожимую информационную систему относится к IX столетию от начала миробытия и принадлежит Адаму и Сифу. При построении этой СБХИ использовались разнородные удаленные хранилища, и система была способна выдержать любые катаклизмы и, как можно заключить из следующего описания, должна была продолжить существование, после Страшного суда. Эту систему, опираясь на книгу «Иудейские древности», подробно описал в конце XVII века святитель Димитрий Ростовский. «Адам и Сиф <...> проразумели, что Бог накажет мир сей двумя казнями — водою и огнем. Не зная же вполне достоверно, какая именно из сих двух казней будет первой, поставили два столпа, каменный и кирпичный [с надписями о том, что знали и пророчествовали, включая астрономические знания]. *Они написали сие именно на двух столпах...* на тот случай, что если бы землю прежде постигла огненная казнь, то каменный столп распался бы, но кирпичный столп с письменами должен сохраниться целым. Если же первую будет водная казнь, то уничтожиться от воды кирпичный столп, а каменный останется для последующего человеческого рода»². Среди примеров соработничества Бога и человек следует отметить создание Ноева ковчега (Ной, кстати, потомок Сифа), обеспечившего сохранение биоразнообразия. Примером чисто информационного соработничества является повторное изготовление скрижалей Завета, когда Моисею было указано: *«вытетиши себе две скрижали каменные, подобные прежним... и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних...»* (Исход, 34:1).

Для целей вечной славы и памяти, но уже только рода людского, а по сути отдельного племени и даже отдельного человека, строилась Вавилонская башня.

Развитие систем памяти связано в значительной мере с «искусством памяти», зародившимся в Древней Греции и перешедшим в Средневековье и Возрождение. Джордано Бруно, насколько можно понять из книги Йетс «Искусство памяти»³, был казнен не только за свои космологические идеи, но и за создание мощных динамических систем

памяти. Опять видим, что космические проблемы оказываются связанными с вопросами памяти.

В дальнейшем люди неоднократно совершенствовали системы памяти – индивидуальной и коллективной. Появилось книгопечатание, делали первые шаги фотография и грамзапись. Свое законченное обоснование идея бессрочного хранения информации получила в XIX веке у Н. Ф. Федорова, как необходимость восстановления и тотальной консервации памяти с использованием новейших научно-технических достижений, с непрестанной молитвой о воскрешении всех умерших. Концентрация информации в библиотеках достигла беспрецедентных масштабов.

В начале прошлого века русская богословская мысль обобщила, систематизировала и развила христианское учение о Воскресении и эсхатологии. Пасхальный догмат был тщательно рассмотрен с теоретической, практической и мистической точек зрения⁴. Это рассмотрение охватывало весь комплекс вопросов от антропологических до космологических. Было четко сформулировано, что «человеческий род и материальный мир могут быть изменены и могут быть преобразованы, но никогда и никаким путем они уже не могут быть уничтожены, — потому именно, что в состав их теперь входит Сам всемогущий Творец бытия»⁵.

Развитие теории алгоритмов привело к появлению электронно-цифровой вычислительной машины, идея которой восходит к середине XIX века. Однако до появления достаточно дешёвых отказоустойчивых компьютеров, глобальных сетей и долгоживущих носителей большой ёмкости, о реализации СБХИ речи быть не могло.

Наконец, совершенствование ядерного щита, освоение Космоса и развитие компьютерных сетей привело к потенциальной возможности создания таких распределённых организационно-технических систем, которые могут противостоять любым ожидаемым природным и антропогенным угрозам.

В своем нынешнем виде идея СБХИ была сформулирована в 1996 г.⁶

Первая официальная российская попытка начать создание СБХИ относится к 2001 г. Вопрос создания такой системы для титулов собственности был включен в соответствующие программы социально-экономического развития, но в дальнейшем из программы развития на 2002–2004 гг. был исключен — «из-за недостатка финансирования или, усомнившись, что вопросы собственности еще будут актуальны после водной и огненной казней»⁷.

Когда информационная деятельность осуществлялась во славу Божию, то Господь всячески помогал благим начинаниям. Когда же люди были ослеплены гордыню, то рушились информационные башни вавилонские. Так, например, особый экземпляр «Майн Кампф», заключенный в нержавеющей сталь, содержался в мавзолее, а документы Политбюро, на создаваемой по указанию М. С. Горбачева специальной бумаге, должны были храниться не менее тысячи лет...

Теоретическое, практическое и мистическое обоснования

Опираясь на положения книги прот. Александра Губеровского «Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата», автор исходит о трех необходимых «измерениях» разума, который должен построить СБХИ: теоретическом, практическом и мистическом.

В части теоретической необходимо, прежде всего, создать православные основания для математики (по сути, православную математику), которая должна стать фундаментом

научной православной космологии и СБХИ. О необходимости такого рода работ прозорливо говорил святитель Игнатий Брянчанинов в своем фундаментальном труде «Слово о смерти» (2-я половина XIX века)⁸. Создаваемая таким образом научная картина мира должна «точно объяснять отношения твари к Творцу», изначально исходя из наличия принципиально необъяснимых вещей и непостижимых свойств (что противоречит традиционной научной парадигме); включать мир духов, доказывать необходимость Воскресения; обосновать бессмертие души. Важным является и формализация святоотеческого эсхатологического наследия. Сюда же входит и создание федоровской модели мира. Для такого рода построений есть вполне солидный задел — рефлексивная теория В. А. Лефевра⁹ — в картине мира, которую он строит «мир населен разумными существами, которые способны вмешиваться даже в космологическую эволюцию».

Научная теория борьбы добра и зла должна отразиться на практике «невидимой брани», включая практические рекомендации по ведению информационных войн и защите информации — одним из важнейших элементов СБХИ. Здесь основой могут стать результаты, изложенные С. П. Расторгуевым в ряде работ, в частности, в «Философии информационной войны»¹⁰.

С практической точки зрения возможность создания СБХИ является эмпирическим обобщением богословского и научно-технического опыта.

Казалось бы, Св. Писание недвусмысленно говорит о том, что «...и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2-е Петра, 2:10). Однако уже бл. Феофилакт отмечает, что речь идет только о нечестивых делах. Вместе с тем, собственно мистическое осознание проблем СБХИ только начинается. Актуальным представляется рассмотреть вопросы бессрочного хранения (в любой форме) с теоцентрической точки зрения.

Некоторые черты и свойства СБХИ

Система бессрочного хранения информации относится к такому, достаточно редкому классу систем, которые можно охарактеризовать как «супрацеливые» — те, у которых цель и сверхцель совпадают. Из известных нерелигиозных идей и, соответственно, систем к этому классу можно отнести деньги и власть (конечно, не для всех людей). Как считают некоторые авторы, бессрочность является одной из важнейших черт информационного общества и именно системы типа СБХИ будут формировать политическую структуру общества будущего¹¹.

СБХИ — динамическая система. Она не мертвое собрание информации, а фактически живой организм, способный активно взаимодействовать со вселенной, являться ее неотъемлемой частью.

СБХИ — система реального времени¹². Это связано как необходимостью отслеживания угроз в реальном времени, так и необходимостью уменьшения времени между производством информации и ее размещением на бессрочное хранение.

СБХИ — рефлексивная система, она включает в себя свою собственную модель (возможно, в будущем информация, хранимая в системе, начнет осознавать себя как бессрочно хранимую).

Вопрос возможности наличия духовных свойств у программно-технических систем весьма актуален и нетривиален. Наличие православной морали у таких систем и их коллективов, вероятно, единственная основа взаимного сосуществования человека и

машин. Не вопрос «может ли машина мыслить?» является важным, а вопрос «может ли машина молиться?» является вопросом, без ответа на который человечество, по сути, обречено на уничтожение машинами или человеко-машинными гибридами.

Может ли СБХИ быть одушевлена или, по крайней мере, вести себя как одушевленное существо? Здесь мы подходим к транзитивности функций Божиих и человеческих. Какие из них (качественно) и в какой степени (количественно) могут быть переданы от Творца (творца) к твари? Какие функции принципиально не могут быть переданы? Здесь центральным вопросом для всего федоровского дела является следующий вопрос, на который должен быть даны теоретический, практический и мистический ответы: какие функции по воскрешению и окончательному преобразованию-изменению мира могут быть «делегированы» человечеству? Мы уже видели, что спасение рода человеческого от водной казни было «делегировано». Вообще, в подобных случаях принято считать, что «масштабно делегируются» функции, связанные с телесной природой человека и господством его над тварным материальным миром. Вопросы же «делегирования» духовно-бессмертных свойств¹³ пока систематически не рассматривались — здесь нас могут ждать самые удивительные открытия и откровения.

Достаточно важен следующий вопрос: может ли СБХИ обладать свободой воли, которой по милости Божией обладает человек? Интересной является гипотетическая ситуация, когда после создания СБХИ часть человечества или даже все оно, например, путем голосования, решит прекратить существование СБХИ. Какие меры по своей защите СБХИ может предпринимать? Может ли СБХИ, защищая информацию, которую без всяких условий должна хранить бессрочно, уничтожить человечество?

Интересным является и следующий, пока гипотетический вопрос: если СБХИ может существовать после Страшного суда, то на каких материальных носителях она может быть построена и, главное, какие функции она будет выполнять? Может ли эта система развиваться после Страшного суда?

Проблемы сохранения цифрового наследия

В конце 2003 г. ЮНЕСКО должно принять «Хартию о сохранении цифрового наследия». Это можно рассматривать как важный шаг на пути создания общемировой СБХИ и реализации идей Н. Ф. Федорова.

В проекте документа констатируется что «быстрота эволюции цифрового мира нарушает порядок всех устоявшихся методов сохранения информации» и подчеркивается «насущное значение признание странами своей ответственности за цифровое наследие».

В разделах, посвященном существующим моделям и правовым рамкам, а также интернет, отмечается сложность разделения традиционной ответственности между библиотеками и архивами в части мультимедийных документов, неоднозначность понятия «публикации в интернет». При этом интернет рассматривается как гигантское культурное пространство, состоящее из демократических виртуальных сообществ. Трудности сохранения этого наследия связано с весьма динамичным характером появления/исчезновения ресурсов в интернет и отсутствием устоявшихся критериев для отбора ресурсов, подлежащих хранению.

Один из основных разделов посвящен обсуждению подходов к сохранению цифровых материалов. Прежде всего, упоминаются организации, связанные с наблюдениями со сбором спутниковой информации и разрабатывающих типовые модели

архивации гигантских объемов данных. Анализируется также опыт национальных архивов и библиотек в работе по спасению материалов в интернет, что представляет весьма нетривиальную проблему. Опыт массового хранения цифровых составляет всего несколько лет, никто не знает как при постоянной смене форматов и платформ хранить данные хотя бы 25 лет, притом, что доступ к ним должен обеспечиваться «даже вечно». Обеспечение целостности и адекватного воспроизведения цифровых материалов требует не только сохранения последовательности битов, но, прежде всего, «определение содержания и свойств, которые должны быть воспроизведены в будущих системах».

Технологические вопросы хранения цифровых материалов определяются тем, что большинство из них не может нормально существовать вне пределов цифровой среды. Цифровые материалы могут оказаться недоступным по трем основным причинам (1) разрушение носителя; (2) устаревание программного обеспечения; (3) внедрение новых систем и устройств, которые не могут работать с сохраняемым носителем.

Специфика организационных вопросов и ответственности в сохранении цифровых материалов связана с тем, что имеющийся разрыв между созданием и хранением традиционной информации (например, издателями и библиотеками) требует радикального пересмотра при организации цифрового хранения. Здесь существует комплекс технологических и правовых проблем. Кроме того, признается необходимость специализированных депозитарных организаций и глубокой инфраструктуры хранения.

Констатируется, что сохранение цифрового наследия является пока еще неизведанной территорией для большинства организаций. Сама область настолько нова, что потребуются огромные усилия по созданию распределенной инфраструктуры хранения, создание которую зависит от национального руководства и международного сотрудничества.

Некоторые вопросы создания вселенской библиотеки

СБХИ – система, связанная с космосом. Космическую сторону имеют уже осуществляемые проекты по долгосрочному хранению информации. Так в США запустили космический аппарат с компакт-диском, содержащими имена американцев воевавших во Вьетнаме. На французском спутнике был размещен диск с информацией личного характера, которую каждый желающий мог поместить туда через интернет. Сам спутник должен находиться на орбите около 50 тысяч лет и кроме диска с информацией на спутнике имеется инструкции по созданию устройства, способного эту информацию воспроизвести.

Стоит упомянуть и традиционные проекты, связанные с поиском внеземных цивилизаций (православная позиция в данном случае хорошо известна). Важной частью таких программ является передача информации о человечестве. Проблема выбора языка передачи, понятного для принципиально иных форм разума, является ключевой. Опыт создания языков таких посланий важен для СБХИ, поскольку необходимо иметь возможность сохранять смысл оригинальных записей в СБХИ в виде понятном для любых будущих поколений, в том числе тех, которые могут забыть об СБХИ. Представляется, что СБХИ — естественный путь развития цивилизаций (другой путь — Оруэловский — постоянное переписывание и фальсификация истории, уничтожение памяти)¹⁴. Если так, то следует искать во вселенной СБХИ. Наша же точка зрения состоит в том, что человечество абсолютно уникальное явление и искать (не дай Бог из-за любопытства) можно следы

цивилизаций «тонких». Вопросы наличия у них СБХИ выходит за рамки скромных интеллектуальных возможностей автора.

Важным является вопрос масштаба СБХИ. Могут ли рукотворные системы занимать значимые части вселенной (в этом случае нивелируются локальные опасности)? Как в этом случае обеспечивать информационную синхронизацию этих систем? Как должны управляться СБХИ космического масштаба?..

Автор надеется, что СБХИ не станет для России лишь местом хранения титулов частной собственности или книг господ кармазиновых. Для России может быть пока единственным способом сохранения является информационное сохранение, потому что наши недруги и враг рода человеческого, безусловно, будут пытаться уничтожить или фальсифицировать информацию о православной России. Вслед за территориальным и экономическим распадом идет информационный распад. Сохранение в полноте и целостности отечественной истории — проблема сохранения Российской Федерации.

Примечания

¹ Концепция национальной электронной библиотеки. www.rsl.ru

² *Свт. Димитрий Ростовский*. Келейный летописец. М., 2000. С. 137. Интересно, что в примечаниях к одному из английских изданий «Иудейских древностей» авторство этой системы приписывается не нашим праотцам, а египетскому фараону Сесотрису II.

³ *Йетс Р.* Искусство памяти. М., 1998.

⁴ *Прот. А. Губеровский*. Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата. СПб., 1998; Митр. Макарий (Оксиюк). Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999

⁵ *Прот. А. Губеровский*. Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата.

⁶ К созданию система бессрочного хранения информации. www.pobeda.ru/bhi

⁷ *Шпагина. М.* Слово Божие в интернете // Эксперт. №16, 2003. С. 58.

⁸ *Свт. Игнатий Брянчанинов*. Полное собрание творений: В 4 т. Т. 3. М., 2002. Удивительным образом совпадает с этим временем попытка Георга Кантора обосновать созданную им теорию множеств с помощью идей католических (см.: *Катасонов В.Н.* Боровшийся с бесконечным. М., 1999).

⁹ *Левфев В.А.* Рефлексия. М., 2003.

¹⁰ *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. М., 2001.

¹¹ Хартия о сохранении цифрового наследия. Проект. Материал из интернет, 2002.

¹² *Shevchuk O. and oth.* E-Ukraine. К. 2001.

¹³ *Петров С.Т.* На пути к информационному государству. Информационное общество, www.iisru/infocos.

¹⁴ *Петров С.Т.* Автохронные системы (наш ответ Орвеллу) // Знание-Сила. 1999. №2.

В. В. Новиков, Л. М. Тираспольский

КОСМИЗМ И ИНТЕРНЕТ

*И увидел я новое небо и новую землю;
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали.*

Откр. 21:1

Пытаясь понять ситуацию в современном мире, мы хотели бы обратиться к непрекращающейся научной дискуссии, посвященной пониманию философского и

культурного наследия русских космистов. В рамках этой дискуссии некоторые ученые выразили мнение о невозможности и даже опасности применения идей русских космистов для разрешения современных российских и мировых проблем. Основным аргументом в подтверждение своей позиции они считают ярко выраженную утопичность и идеальность этих идей; так, В. М. Розин пишет: «Жить хотелось бы не утопиями, а реальностью, и не в далеком будущем, а сейчас»¹. Действительно, для многих представителей космизма была характерна вера в необходимость преобразования природы и человека на основе идеальных, утопически-религиозных принципов. Для В. С. Соловьева этот идеальный мир представляется в образе Царства Божьего на Земле, в котором происходит соединение человеческого (природного) и божественного как результат их взаимного стремления друг к другу. Для Н. Ф. Федорова «подлинный мир — это мир без смерти, мир, управляемый и регулируемый человеком»².

По прошествии столетия можно сказать, что многие замыслы космистов так и остались неосуществленными. Несомненно, что критика космизма была в чем-то оправдана. Но означает ли это, что ошибочны сами идеи? Мы считаем, что это не так. Возможно, что в эпоху их создания для них просто еще не пришло время; это были гениальные прозрения, явившиеся, по мнению Г. С. Батищева, «провозвестником новой парадигмы в культуре — гармонически-полифонической, междусубъективной»³. Несмотря на изменившуюся с тех пор социокультурную ситуацию, идеи космистов до настоящего времени сохраняют свою популярность в научных и общественных кругах, поэтому нам хотелось бы вновь поднять вопрос о применимости и значимости этих идей в современном обществе, учитывая новые возможности, открывшиеся перед нами благодаря интернету и компьютерным технологиям.

Для этого попытаемся сначала определить, в чем состояла причина нереализуемости проекта русских космистов. Почему при огромной и достаточно длительной популярности их идей в русской культуре и сочувственном отношении к ним выдающихся мыслителей прошлого столетия эти идеи остались лишь замыслами, хотя изначально их направленность носила ярко выраженный практический характер.

Космисты задали конечную точку развития человечества, но, на наш взгляд, недостаточно сумели связать ее с существующей социальной действительностью. Практическая направленность постоянно присутствует в работах космистов, Н. Ф. Федоров рассматривал свои идеи, прежде всего, как активный проект должностующего быть, а не как пассивные умозрительные объяснения сущего. Более того, он понимал, что для воплощения этого идеала необходимо было изменить не только окружающую природу, но и самого человека. Вот как излагает его идеи С. Г. Семенова: «...всеобщим познанием и трудом человечество призвано овладеть стихийными, слепыми силами вне и внутри себя, выйти в космос для его активного освоения и преобразования, обрести новый, бессмертный космический статус бытия»⁴.

Конечно, часть идей космистов, связанная с преобразованием собственно природы, нашла блестящее воплощение: это и освоение космического пространства, и управление природными процессами. Но без соответствующих изменений в мировоззрении человека эти достижения нередко оборачиваются бедствиями — от новых видов смертоносного оружия до экологических катастроф. Начатое однажды преобразование природы уже не остановить, робкие попытки противостоять этой экспансии тонут в нарастающем шквале технологического развития. Поэтому с особой остротой встает вопрос о духовном преобразовании самого человека в соответствии с принципами всеединства, лежащими в основе мирозерцания космистов.

Человечество, воодушевленное успехами научно-инженерного подхода в области трансформации природы, попыталось применить тот же подход и по отношению к социуму. Но большинство попыток социального проектирования окончилось крахом. Оказалось, что сфера социального отличается от традиционных объектов, с которыми инженерная деятельность встречается в природе. По словам В. М. Розина, «в рамках научно-инженерного подхода так и не удалось преодолеть два основных недостатка, присущих социальным преобразованиям. Первый — низкая проектообразность: социальные проекты или утопичны, не реализуемы, или подменяются социальными манифестами, концепциями, программами, второй — искажение или выпадение социальных требований, предъявляемых к проектируемому объекту»⁵. Возможности применения социального знания сегодня определяются достаточно скромно. О возможности создания универсальной социальной теории не может быть и речи, она не только применима лишь в узких пределах, но и должна постоянно проверяться на соответствие социальной действительности. Такое осторожное отношение к социальным проектам вполне оправдано. Напрашивается вывод о невозможности воплотить идеи космистов в социальную действительность: такого рода попытки либо сведутся к прожектерству, либо обернутся профанацией и искажением первоначальной идеи.

Означает ли это, что следует отбросить идеи космизма, несмотря на всю их привлекательность, как утопические? Мы так не считаем. Одной из причин нашего оптимизма послужило возникновение особого пространства, принципиально новой среды, которая в своих начальных стадиях известна нам как интернет.

Ряд современных исследователей предлагает рассматривать интернет как специфический вид символической реальности, который создается на основе взаимодействия компьютерной техники и социума. В. М. Розин определяет эту реальность как инженерно-семиотическую. Одна из отличительных особенностей интернета состоит в том, что, являясь по своей природе знаково-символической средой, интернет оказывается ближе к миру идей, чем социальная действительность. Благодаря этому могут открыться новые потенциалы для воплощения идей космистов. Может быть, в пространстве интернета, более близком к миру идей, и удастся воплотить идеальные, утопические проекты, не воплощаемые в «обычном мире». Сравнивая онтологическое и идеальное, Федоров отмечал: «Мысль и бытие не тождественны, т.е. мысль не осуществлена, а она должна быть осуществлена» (I,). Таким образом, для интернета в большей степени, по сравнению с социальной действительностью, характерна проективная неопределенность его пространства, поэтому познание интернета обязательно включает процесс его проектирования и идеального реконструирования. То же самое Федоров приписывает и мысли: «Идея не субъективна, но и не объективна — она проективна» (I, 334).

Можно сказать, что интернет является более гибкой, пластичной средой для воплощения идей, в отличие как от косной материи физического мира, так и от инертной среды привычного нам социума. Сколько бы сил мы ни прикладывали, пытаясь изменить закон всемирного тяготения, как об этом мечтали космисты, мы не сможем этого сделать. В лучшем случае возможно нейтрализовать его действие при помощи техники, да и то лишь в далеком будущем. Но в виртуальном пространстве мы сами можем конструировать как физические законы, так и, в определенных границах, законы социальных взаимодействий между участниками.

В этой связи возникает вопрос: какие концепции могут быть реализованы в интернете, или в какой роли может выступить эта инженерно-семиотическая реальность?

В. М. Розин, отвечая на этот вопрос, пишет, что она (реальность интернета) может быть использована как средство для реализации традиционных культурных практик (наука, искусство, религия и мистика) в форме виртуальных реальностей, позволяющих разрешить противоречия между отдельным человеком (личностью) и культурой⁶. Однако, как показал опыт краткого, но интенсивного развития интернета, многие традиционные культурные и социальные практики с трудом переносятся в интернет. Очевидный пример из области морали и права: отсутствие границ в сети затрудняет попытки навязать какие-то локальные правила или моральные эталоны в качестве всеобщих законов.

Нам кажется более продуктивным понимание интернета как потенциальной среды для формирования *новой социально-культурной практики*, в частности, основанной на воплощении идей русских космистов.

Определим, насколько соответствует природе интернета наше предположение. Рассмотрим интернет в рамках философской системы В. С. Соловьева. В своей системе философ попытался объединить христианское мирозерцание, классическую философию и науку с помощью идеи «положительного всеединства», которое является идеальным началом и целью мирового развития. Процесс всемирного совершенствования разбивается Соловьевым на пять этапов, или «царств». Он пишет: «Минералы, растения, животные, природное человечество и духовное человечество — вот типичные формы бытия с точки зрения восходящего процесса всемирного совершенствования»⁷. По мнению Соловьева, «высшая задача богочеловека состоит в том, чтобы собирать вселенную в действительности»⁸, или, говоря другими словами, воплотить в человечестве идею «положительного всеединства».

Основываясь на интуитивных прозрениях Соловьева, мы можем выдвинуть следующую гипотезу: интернет и будущие компьютерные технологии являются материализацией, воплощением принципа единобытия. Сегодня мир становится единым не только в философских умозрениях или во внутреннем мире мистика, который переживает это единство экстатически. Благодаря современным информационным технологиям мир становится единым буквально и физически, и это единство становится все более очевидным. Формулируя то же положение теологически, можно сказать, что Бог постепенно являет себя в истории человечеству: ведь Единство — это один из Его основных атрибутов. Если взглянуть на это явление глазами последователей Соловьева, то можно сказать, что интернет делает возможным «соборное сознание». Соборное сознание, в свою очередь, может быть понято как метафора Абсолюта, как идея всеединства, спроецированная на социум.

Для подтверждения данной гипотезы проведем мысленный эксперимент. Представим себе, как могла бы выглядеть область, где воплощены идеи космистов: положительное всеединство, соборность, внехрамовая литургия, сотворчество Бога и человека. Описание такой области мы можем найти не только у космистов, но и у христианских или иных мистиков, где они обычно принимают форму религиозно-мистических прозрений: библейские пророчества, сочинения Якоба Беме, Эмануэля Сведенборга, Ибн аль-Араби, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева. Мистик, воплотивший Единство во внутреннем бытии, пытается с помощью образов иного мира выразить свои переживания. В результате появляются описания загробной жизни, ангельских сфер, Царства Божия, мира творческого воображения (в суфийской терминологии — *барзах*).

Итак, рассмотрим отличительные особенности мира с большей проявленностью Единства, о котором грезил космисты, и проанализируем возможность реализации этих свойств в интернете.

1. Скорее всего, мир с большей проявленностью Абсолюта носил бы знаково-символический характер. По самой своей сути знаково-символическая деятельность выступает в качестве интегрирующего начала. Как отмечает В. М. Розин, «знак — способ связи в человеческом сознании двух до того самостоятельных предметов»⁹. Э. Сведенборг пишет, что Слово служит для соединения человека с Богом.

Пространство интернета — это информационная среда, которая по самой своей природе служит метафорическим отражением идеи Единства, потому что «любая информация, включая аудиовизуальную, может быть выражена в двоичном коде через единицу или же ее отсутствие, ноль. Цифры “один” оказывается достаточно, чтобы запечатлеть все многообразие Вселенной. Ноль символизирует отсутствие Абсолюта»¹⁰.

2. Экономическое устройство «горнего мира» принципиально отличается от обычной «материальной» экономики и носит характер экономики «дарения». В Библии сказано о будущем утопическом веке: «...даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; покупайте без серебра и платы...». (Исайя 55:1) Для этой среды характерно равенство и вытекающее из равенства изобилие, избыточность, не скованная ограниченными возможностями материального мира.

Значительная часть информации и услуг, доступных в интернете, бесплатна. Это совершенно не характерно для обычной, «материальной» экономики. Д. Белл объясняет этот факт тем, что знание становится основным общественным продуктом, «его особенность заключается в том, что, даже будучи проданным, оно остается также и у своего производителя, знание представляет собой “коллективное благо”, поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем»¹¹.

3. В противоположность объектам материального мира, оцифрованные виртуальные объекты, составляющие основу интернета, не меняются, не ухудшаются со временем. То есть они, в определенном смысле, бессмертны.

Бессмертие, нетленность — это свойство иного мира.

Преодоление смерти — центральная тема философии Федорова. Его идея воскрешения отцов до сих пор казалась невероятной утопией, и только в последнее время в связи с успехами науки, особенно генетики и биологии, появилась перспектива ее воплощения. Как пишет С. Г. Семенова, «подразумевается возможность восстановления предка по той наследственной информации, которую он передал потомкам»¹².

В пользу возможного реконструирования прошлого говорит и такая особенность информации в целом, как *восстановимость*. Поясним это на простом примере: если поезд вышел из пункта А и прибыл в пункт Б за три часа и шел при этом со скоростью 100 км/час, мы можем установить, что расстояние между А и Б = 300 км. Где была записана эта информация? Решительно нигде, пока мы не произвели вычисления. Имея достаточно информации о настоящем и зная, какие законы привели к сегодняшнему положению вещей, мы можем вычислять события прошлого. Например, было ли солнечное затмение позавчера или как выглядела Вселенная 10–15 млрд. лет назад. Далее следует важный вопрос: восстановима ли информация о человеке? Допустим, что в будущем мы не будем ограничены мощностью компьютеров. Если информация в принципе восстановима, и человеческое бытие сводимо к информации, то бессмертие становится возможным. Конечно, данная идея выглядит достаточно утопично. Но вопрос в том, существуют ли принципиальные физические ограничения на восстановление информации. Если их нет, то мы ограничены только мощностью компьютеров и отчасти знанием законов, по которым идет становление космоса.

4. При проявленности Единства снимаются или уменьшаются пространственно-временные ограничения, поскольку разделенность существует в пространстве-времени. Мейстер Экхарт пишет: «Нет большего препятствия на пути к Богу, чем время». Э. Сведенборг так описывает ангельский мир, в котором нет времени и пространства: «Хотя на небесах все идет и движется точно так же последовательно, как и на земле, тем не менее, у ангелов нет ни понятия, ни мысли о времени и пространстве»¹³, вместо этого у них присутствует изменение состояний. Приближение происходит от сходства в состоянии, а удаление — от несходства, так что перемещение в среде ангелов представляет собой череду состояний. Для того, чтобы одному небожителю попасть к другому, ему достаточно представить его образ, и он тут же оказывается у него.

Интернет в значительной степени уже сейчас реализует эту идею. Как было замечено, интернет создан, чтобы общаться, с кем хочется, а не с теми, кто близко. В интернете люди объединяются не по принципу близости их географического положения, а исходя из общности интересов, сродства душ. Здесь можно возразить, что подобное качество присутствовало в обществе и до интернета (письмо, телеграф, телефон). Действительно, интернет лишь сделал эту идею наиболее проявленной, поскольку общение в интернете еще менее ограничено пространственными и временными рамками.

Данное свойство интернета можно показать на примере анализа интернет-конференции¹⁴. Так как диалог в интернет-конференции ведется в письменном виде, то каждое слово, высказанное участником, как бы «зависает в вечности». Современные конференции позволяют осуществлять разнообразный поиск по ключевым словам, по времени написания, по автору и т.п. Все это делает нахождение нужного сообщения делом нескольких секунд. Мир интернет-конференции сжат в единую точку: здесь все одинаково близко, и в то же время этот мир способен расширяться до бесконечности, ведь любой вопрос в конференции может вызвать сколь угодно много ответов. В интернет-конференции все сплетено в тугий узел, в котором есть развитие, но нет времени; все события прошлого и настоящего одинаково доступны и реальны, существуют актуально, как бы в Вечности.

5. В эстетической концепции В. С. Соловьева красота становится «объективным показателем степени воплощения предвечных идей, или их совокупности “всемирной идеи”»¹⁵. Поэтому среда, реализующая в себе идею единства, вероятно, будет содержать эстетические элементы для ее обитателей. При этом справедливо и обратное, а именно, что эстетическое чувство приближает нас к Единству¹⁶. Искусство меняет наш взгляд на жизнь, открывает в повседневности или в трагическом событии нечто недоступное невооруженному взгляду — красоту, которая находится в основе всего, будь то нечто безобразное или трагическое. Идея преобразования действительности с помощью искусства занимает важное место в творчестве Соловьева. Он пишет о свободной теургии как об «одном из главных двигателей грядущего положительного всеединства, реализации идеального социо-космического единства на основе сознательного высшего объединения внутренне самостоятельных и самодостаточных элементов творческой сферы»¹⁷. Тема создания нового искусства, пересоздающего существующую действительность, волновала таких мыслителей, как П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. Белый. Видный русский поэт-символист и мыслитель В. Иванов представлял себе искусство будущего в виде Мистерии — сакрального действия, в котором зрители и актеры являются полноправными участниками. Эта Мистерия должна основываться на «соборном сознании».

Однако, поставленная в русской культуре второй половины XIX – начала XX века проблема кризиса искусства, неспособного преобразить человека и изменить его жизнь, осталась не разрешенной и в современном искусстве. До сих пор остаются актуальными слова Бердяева: «Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство... Никогда еще так остро не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда еще не было такой жажды перейти от творчества произведений искусства к творчеству самой жизни»¹⁸.

Представляется возможным, что именно развитие интернета позволит создать теургическую среду, в которой разрыв между искусством и жизнью окажется сведен до минимума, т. е. будет преодолен кризис искусства.

Поясним это на примере виртуальной конференции.

В рамках виртуальной конференции становится возможным непосредственное взаимодействие автора и читателя. Участник конференции становится как бы героем художественного произведения, являясь при этом одним из его соавторов. Конференция – это своего рода «книга жизни», куда каждый вписывает свою биографию. Эта книга разыгрывается и пишется нами одновременно, как на картине Эшера, когда рука художника постепенно переходит в рисунок руки.

Любой участник воспринимает собственные высказывания на конференции как выражение своей личной позиции. Он также может относиться к ним (высказываниям) и как к репликам одного из литературных героев, становясь в этом случае одним из соавторов данного произведения. Конечно, видение конференции как художественного произведения требует сознательного усилия со стороны участника. Однако это усилие окупается той почти неограниченной авторской свободой, которую он приобретает. Теперь у него появляется возможность сознательно строить свое участие в конференции по законам художественного творчества.

Подобное превращение участника конференции в героя художественного произведения — это процесс, в котором *«плоть становится словом»*. Став персонажем, каждый участник форума начинает жить *по законам искусства*. Здесь необходимо заметить, что это принципиально двухсторонний процесс. Не только человек стремится воплотить себя в слове, но и слово-идея стремится к опредмечиванию. Нередко эта идея обретает «виртуальную плоть» и становится персонажем, равноправным участником действия.

Таким образом, виртуальная конференция — это пространство, *где слово становится плотью, а плоть обретает свойства слова*.

Представляется, что из сказанного нами достаточно очевидно, что даже в таком технически несовершенном явлении как текстовая конференция ощущается уменьшение разрыва между искусством и жизнью. Здесь присутствует и «единство мистики, искусства и техники», о которых пишет В. С. Соловьев, и «соборность сознания», равноправное участие зрителей и актеров, упоминаемые В. Ивановым.

Итак, есть основания полагать, что интернет потенциально может быть средой для создания иного, более *высокого* уровня бытия, где его иерархия определяется степенью проявленности Единства, т. е. Реальности. Если это так, то возникает вопрос: насколько важными и социально значимыми могут быть данные гипотезы? Насколько применимы к современности древние идеи о построении Царства Божьего на земле?

Несмотря на всю кажущуюся утопичность этих идей, мы полагаем, что они могли бы стать основанием для создания нового социокультурного проекта, гармонично сочетающего в себе достижения технической цивилизации и идеалы эзотерической,

истинно религиозной, культуры. Во-первых, потому что интернет, по крайней мере потенциально, обладает необходимыми свойствами для создания такой идеальной среды. Во-вторых, эта идея значима для большинства людей, потому что базируется на естественном для человека стремлении к поиску счастья, удовольствия, она реализует вечные чаяния человечества о Царстве Божием на земле. Привлекательность этих идей в том, что, в отличие от большинства социальных утопий прошлого, они не основаны на необходимости отказа от собственных желаний и потребностей в обмен на блага загробного рая или светлого будущего. Те самые технические достижения, которые возникли для удовлетворения человеческих желаний, служат и цели духовного преображения. Можно предположить, что в будущем будет уменьшаться или вовсе исчезнет противопоставление материального и духовного, цивилизации и культуры. Это было бы естественным следствием проявленности единобытия.

Немаловажно также, что эти идеи не идут вразрез с существующими социальными практиками, т. е. не связаны с коренным изменением социальной структуры.

Предлагаемый способ рассмотрения информационных технологий позволяет ответить на вопрос: зачем нужны человеку эти технологии, в чем смысл развития техники. Этот смысл оправдывает существование современной техники, которая сейчас нередко рассматривается как опасная система, угрожающая в своем развитии существованию человека. Преодолеть противоречия в развитии техники можно не противодействуя ей и не ограничивая ее, а став ее *хозяевами*, включив ее в более общий процесс становления богочеловека. Именно при таком рассмотрении техники мы можем управлять ее развитием, а не она будет диктовать условия существования человека.

Если принять, что Единство стремится явить себя, а в процессе подвигает человека на эволюцию, технический прогресс, духовное развитие, тогда и появление современных средств коммуникаций будет восприниматься не просто как еще одно скучное и суетное проявление машинной цивилизации, а как метафора атрибутов Божества, например, способности быть одновременно везде и нигде. Подобный подход кажется продуктивным и в отношении самой техники, поскольку задает направление ее развития. Подход же, основанный на рассмотрении информационных технологий как орудия манипулирования человеком, ведет только к бесплодной конфронтации, поскольку все равно отказаться от техники мы уже не можем. Также мы вряд ли сможем просто притвориться, что ничего важного не происходит, и отмахнуться от происходящих в настоящее время глобальных, сущностных перемен.

Создание описанной нами среды приоткрывает возможность для возвращения истинной духовности и религиозности в наше секуляризованное общество. Представляется возможным создание нового теургического искусства, преодолевающего разрыв между искусством и жизнью и способствующего духовному преображению человека. Это искусство будет направлено на изменение самой среды обитания, способствуя движению человечества к «новому небу и новой земле».

Конечно, перечисленные особенности интернета присутствуют в нем лишь потенциально и не проявятся без сознательного участия человека. Однако без подобного осмысления интернета невозможно его полноценное использование. Рассматривая пространство интернета как знаково-символическую среду, мы согласны с В. М. Розиным в том, что именно «формирование знаково-символических систем, то есть семиозиса — основное условие и движущая причина развития человека, его психики, деятельности и поведения»¹⁹. Эволюционирует сама среда, а не только биологические виды; биосфера перерастает в ноосферу, а та, в свою очередь, вычленяет из себя «психосферу», или

«семиосферу», прообразом которой является интернет. Значимость современной ситуации в том, что перед нами открывается перспектива создания новой знаково-символической среды, живя в которой, человек смог бы измениться, преобразить себя и свой мир и преодолеть кризисные явления существующей культуры.

Такое понимание интернета не означает, что он может выступить в качестве полной замены существующей действительности. Интернет скорее должен выступать в качестве дополнения, промежуточного этапа в направлении дальнейшего совершенствования окружающего мира.

Подводя итог, можно сказать, что теперь, с появлением интернета, прозрения русских космистов обретают второе дыхание. В прошлом веке эти идеи, задающие конечный, эсхатологический этап в развитии человечества, практически не были реализованы. И лишь теперь начинает проясняться смысл задач, которые русские космисты ставили перед человечеством, балансирующим на грани самоуничтожения. Только сейчас, в начале третьего тысячелетия, можно сказать, что сама история подтверждает правоту концепций русских космистов. Поэтому представляется важным вернуться к этим идеям на новом этапе, переосмыслить и использовать их с учетом новых возможностей, возникающих благодаря стремительному развитию информационных технологий.

Примечания

¹ *Розин В.М.* Эзотерическое мироощущение русских космистов // Стратегии выживания: космизм и экология. М., 1997. С. 238.

² Там же С. 233.

³ Русский космизм и ноосфера // Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Часть 1. М., 1989.

⁴ *Семенова С.Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 8.

⁵ *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М., 2000. С. 129.

⁶ *Розин В.М.* Природа виртуальной реальности (условие философского дискурса) // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 4. М., 1998. С. 197.

⁷ *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 267.

⁸ Там же. С. 275.

⁹ *Розин В.М.* На пороге нового мира (опыт методологического осмысления) // Россия и мир: политические реалии и перспективы. Аналитический альманах. № 15. М., 1999. С. 267.

¹⁰ *Тираспольский Л.М.* Золотой век. М., 1995. С. 119.

¹¹ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. СLI.

¹² *Семенова С.Г.* [Вступительная статья] // *Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1994. С. 12.

¹³ *Сведенборг Э.* О небесах, о мире духов и об аде. СПб., 2000. С. 120.

¹⁴ Подробнее см.: *Тираспольский Л., Новиков В.* Жанр виртуальной конференции // Полигнозис. 2001. № 1. С. 94–104.

¹⁵ *Бычков В.В.* Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. М., 1999. № 4. С. 8.

¹⁶ Интернет-форум анализируется нами как эстетический феномен, своего рода художественное произведение. Подробнее см.: *Тираспольский Л., Новиков В.* Жанр виртуальной конференции.

¹⁷ *Бычков В.В.* Цит. соч. С. 38.

¹⁸ *Бердяев Н.А.* Кризис искусства // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994. С. 400.

¹⁹ *Розин В.М.* На пороге нового мира (опыт методологического осмысления) // Аналитический альманах «Россия и мир: политические реалии и перспективы». № 15. М., 1999. С. 268.